

ЦЕНТР АНАЛИЗА И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

«УВЕРЕННЫЙ ШАГ В БУДУЩЕЕ?»

Исследование социально-психологических
и адаптационных потребностей жен, вдов
и детей убитых и осужденных боевиков
на Северном Кавказе

Автор и редактор: **Екатерина СОКИРЯНСКАЯ**

Март 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ	III
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	IV
РЕКОМЕНДАЦИИ	IX
I. ВВЕДЕНИЕ	1
II. ПОЧЕМУ ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ БЫВШИХ БОЕВИКОВ?	3
III. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРИ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МУЖА НА ЖЕН И ВДОВ	8
Психологическое и физические здоровье	9
Жизнеобеспечение	15
Доступ к услугам, отношения с близкими и сообществом	18
Личностный рост	21
Связь с заключенными мужьями	21
Взаимодействие с правоохранительными органами	23
IV. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРИ И ДЛИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ОТЦА НА ДЕТЕЙ	33
Психологическое состояние и здоровье	33
Отношения взрослых детей с правоохранительными органами	36
Общение с отцами	38
Учеба и развитие	40
Необходимость программ реабилитации семей боевиков	41
V. РЕИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ, ВОЗВРАЩЕННЫХ ИЗ ЗОНЫ КОНФЛИКТА В СИРИИ И ИРАКЕ	43
Военные травмы и их последствия	44
Социально-психологические проблемы	46
Проблемы с учебой	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49

О ЦЕНТРЕ АНАЛИЗА И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

ЦЕНТР АНАЛИЗА И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ (САРС) – исследовательский и активистский проект, созданный в конце 2017 года. Наша задача – проводить полевые исследования конфликтных ситуаций, предлагать меры по их эффективному преодолению с целью минимизировать вероятность эскалации насилия и способствовать разрешению противоречий и примирению сторон. САРС работает в сфере раннего предупреждения, защиты прав человека и продвижения принципа верховенства права, поддерживает усилия по профилактике конфликтов, психологической помощи жертвам конфликтов, предотвращению радикализации и постконфликтному примирению.

САЙТ: [HTTP://CAP-CENTER.ORG](http://CAP-CENTER.ORG)

ОБ АВТОРЕ

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА СОКИРЯНСКАЯ – директор Центра анализа и предотвращения конфликтов. С 2011 по 2017 год возглавляла проект по России/Северному Кавказу Международной кризисной группы, отвечая за проведение исследований, написание докладов и адвокативную работу по России. В 2003–2008 годах работала в отделениях Правозащитного центра «Мемориал» в Ингушетии и Чечне, занимаясь анализом нарушений прав человека в условиях контртеррористических операций и в зоне преодоления последствий осетино-ингушского конфликта. С 2004 по 2006 год являлась преподавателем исторического факультета Чеченского государственного университета. С 2008 по 2011 год – куратор программ Правозащитного центра «Мемориал» в Кабардино-Балкарии и Дагестане; проводила исследования и организовывала открытие новых представительств в Нальчике и Махачкале. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию на факультете философии и политологии СПбГУ, в 2010 году – докторскую диссертацию (Ph.D.) в Центральном Европейском университете (Будапешт).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе, один из самых продолжительных и кровопролитных в Европе, практически стих. Северокавказское джихадистское подполье прекратило свое существование, несколько тысяч радикалов, уехавших воевать на Ближний Восток, по большей части погибли в Сирии и Ираке, и в последние годы Россия активнее большинства стран мира репатрирует их детей и некоторых жен из зоны конфликта. Реинтеграция возвращенцев и их адаптация к новым реалиям займет несколько лет.

Вместе с тем на Северном Кавказе проживают десятки, а то и более сотни тысяч вдов, жен и детей людей, которых государство причисляет к участникам вооруженного подполья, многие годы противостоявшего государству. Сейчас, во время затишья, государство и общество могут пересмотреть свое отношение к этим семьям и вместо жесткого правоохранительного контроля и стигматизации выработать меры по их социально-психологической поддержке, активному и конструктивному включению в жизнь общества.

Вооруженный конфликт на Северном Кавказе, начавшийся в Чечне (1994—1996, 1999—2009), к 2007 году распространившийся на весь регион, втянул в себя уже три поколения комбатантов. На смену первой волне — в основном светских сепаратистов, вышедших в 1994 году на войну с Россией за независимость Чечни — пришли джихадисты впоследствии запрещенной в России организации «Имарат Кавказ», которая ставила своей целью создание радикального шариатского государства на территории северокавказских республик. Последняя волна северокавказских боевиков откликнулась на призыв джихадистских и других вооруженных группировок в Сирии и Ираке и уехала воевать на Ближний Восток в 2012—2017 годах.

Каждое из этих поколений оставило за собой несколько тысяч вдов и детей. Часть мужчин, вышедших на чеченскую войну или вступивших в вооруженные джихадистские группировки в других республиках, была арестована и осуждена на длительные сроки лишения свободы, что также серьезно повлияло на жизнь их близких. Дети, жены и вдовы многие годы сами справлялись со своей трагедией — в условиях глубоких психологических травм, отсутствия возможности трудоустройства в бюджетных учреждениях, социальных проблем, стигмы, повышенного внимания, прямого давления, а то и репрессий со стороны правоохранительных органов.

Этот доклад, основанный на глубинных интервью 40 женщин из Чечни, Ингушетии и Дагестана, анализирует, как факт потери мужа/отца, убитого в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе и/или на Ближнем Востоке или осужденного на длительный срок за участие в незаконных вооруженных группах, влияет на жизнь членов его семьи (вдов, жен и детей). Мы также приводим результаты мониторинга положения нескольких семей, куда вернулись вдовы и дети из Сирии и Ирака.

Интервью показывают, что все женщины пережили глубокую психологическую травму в связи с убийством, похищением или длительным заключением мужа, и эта травма во многих случаях сказалась на их физическом здоровье. Первые месяцы после случившегося женщины описывают свое состояние как шок, полную потерю смысла жизни, страх и бессилие. Почти все женщины, не вышедшие повторно замуж, гово-

рили, что состояние их не улучшается со временем, некоторые признались в том, что потеря мужа их полностью сломила.

Помощь родственников была и остается самой большой поддержкой, которую женщины получают в процессе адаптации к новым реалиям, на втором месте они называли веру и работу. Ответственность за детей заставила большинство из них преодолеть состояние беспомощности. В Чечне две из десяти опрошенных женщин после гибели мужа были вынуждены бороться за право воспитывать своих детей: родственники мужа пытались забрать их, так как по чеченской традиции после развода или гибели мужа дети остаются с семьей отца.

Лишь одна из опрошенных нами женщин целенаправленно обращалась к психологу, еще одна вдова, вернувшаяся из Сирии, работала с психологом во время нахождения в СИЗО, обе оценивают этот опыт как крайне положительный. Почти все остальные говорили, что очень нуждались в психологической помощи, но такие услуги слишком дороги и в небольших городах и селах нет профессиональных специалистов.

Более двух третей опрошенных женщин не имеют постоянной работы и собственного жилья. Неработающие женщины живут в основном на пенсии по потере кормильца, получают помощь от родственников, разовую помощь от благотворителей. В Чечне нескольким опрошенным женщинам было отказано в пособии по потере кормильца в связи с тем, что их мужья воевали против государства. Среди своих базовых нужд респондентки назвали оплату лечения и лекарств для детей, расходы на образование и жилье. Две трети семей не имеют возможности поддерживать развитие детей и позволить себе кружки и секции.

В основном опрошенные женщины не сталкивались с отказом в предоставлении услуг в медицинских, образовательных или иных учреждениях. Однако в двух случаях учебные заведения официально отказались принять детей, почти все женщины говорили, что после того, что случилось с мужем, им была закрыта возможность трудоустройства в бюджетные организации. При этом в целом сообщество не отторгает таких женщин и детей, хотя многие опрошенные встречаются с отдельными проявлениями предвзятого отношения соседей или односельчан, а также преподавателей в школе. Лишь несколько женщин жаловались на изоляцию и нежелание окружающих общаться с ними и их детьми.

В настоящее время взаимодействие государства с женами и вдовами бывших боевиков сводится почти исключительно к правоохранительной работе, оно осуществляется силовиками и имеет главной своей целью обеспечение контроля. Режим взаимодействия правоохранительных органов с вдовами и женами боевиков отличается в каждой республике. Наиболее благоприятная ситуация сложилась в Ингушетии: там в ходе интервью мы не зафиксировали серьезных нарушений, силовики в основном проводили допросы и следственные действия в рамках закона. Достаточно благоприятный режим для жен и детей боевиков в Ингушетии объясняется отношением к проблеме профилактики радикализации Юнус-Бека Евкурова, возглавлявшего республику в 2008—2019 годах. В период его руководства работа с семьями боевиков была названа приоритетом, глава создал два общественных совета для этих целей. Впоследствии никакой информации о деятельности этих структур в публичном пространстве не появлялось, и тем не менее установка на поддержку, а не репрессии посылала важные сигналы как обществу, так и силовикам.

В Чечне не удалось выявить единой тенденции того, как силовики относятся к вдовам и женам разных поколений боевиков. Ровно половина женщин говорила о давлении силовиков, часто очень сильном. Остальные не жаловались на нарушения их прав со стороны правоохранительных органов. Ничего общего между женщинами, которые рассказали о проблемах с правоохранительными органами, нет: их мужья погибли или были осуждены в разное время и принадлежали к разным идеологическим течениям в северокавказском подполье. Складывается ощущение, что судьба каждой семьи часто зависит от конкретного местного начальника и того, насколько высокопоставленным был ее муж в иерархии подполья.

В Дагестане ситуация кажется наименее благополучной в связи с широким применением практики так называемого профилактического учета, который был введен в 2015 году, когда на учет как «религиозные экстремисты» были поставлены около 16 тысяч человек, включая почти всех вдов и жен бывших участников подполья. Несмотря на то что, по утверждению МВД по РД, с 2017 года профучет официально не ведется, все респондентки отмечали, что неформально он существует.

В рамках профучета, по словам наших респонденток, сотрудники полиции жестко ограничивали их права на частную жизнь и свободу передвижения, а также де-факто закрывали возможность официального трудоустройства в бюджетных организациях. Благодаря активной реакции правозащитного сообщества и самих граждан в последние два года произошло снижение масштабов контроля и грубого давления, связанных с профучетом. В Дагестане респондентки признавали, что последние два-три года ситуация с профучетом стала спокойнее, хотя контроль продолжается. Лишь одна из опрошенных нами женщин рассказала, что с ней пытались провести беседу на тему религии и радикальных идеологий, однако сделано это было непрофессионально и ничего, кроме раздражения, у нее не вызвало.

Поручая взаимодействие с вдовами и женами почти исключительно силовикам, государство вряд ли может рассчитывать на какой-либо другой результат, кроме давления и сдерживания, а как побочный эффект — фрустрацию, гнев, а то и ненависть этих женщин, а рикошетом — и их детей. Эти чувства способствуют созданию предпосылок к радикализации. Работа с женщинами, которых силовики идентифицируют как группу риска, должна проходить строго в рамках закона, иначе она произведет обратный эффект.

Особенно сильное раздражение и тревогу у женщин в Дагестане вызывает то, что детей тоже ставят на профилактический учет, выделяют их среди сверстников, таким образом стигматизируя. Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних ведут беседы с учителями, просят характеристики на детей, приходят домой. Женщины рассказывали, что их детей вызывали, фотографировали вместе с другими детьми боевиков, проводили беседы в отсутствие родителей, в том числе на религиозные темы. В то же время чиновники и сотрудники сферы образования Дагестана рассказали нам, что инспекторы ПДН стараются во благо детей: следят за тем, чтобы они получили полное среднее образование, а в некоторых муниципалитетах направляют специально в хорошие школы, где им будут уделять должное внимание. В Ингушетии такая работа, очевидно, тоже проводится, но более деликатно и не вызывает большого раздражения. В Дагестане и Чечне у подрастающих сыновей боевиков начинаются проблемы с правоохранительными органами, вплоть до незаконных задержаний и избиений.

Все жены заключенных сохраняют связь с мужьями, но не все имеют финансовую возможность ездить на свидания. Большинство женщин общается с заключенными мужьями по телефону с разной степенью интенсивности. Многие женщины говорили, что с момента ареста их отношения с мужем не изменились или улучшились, они ждут его возвращения домой.

Убийство или арест отца сказались на психологическом состоянии детей, однако на старших детей, имевших опыт общения с отцом, случившееся повлияло гораздо сильнее, чем на малышей. Больше всего пострадали дети, потерявшие отца в осознанном возрасте, меньше всего — родившиеся после происшествия. Дети имеют психологические травмы, которые влияют на их здоровье, успеваемость, развитие и социализацию, но лишь в единичных случаях они получали профессиональную психологическую помощь.

Вопрос, как объяснить детям, что произошло с их отцами, почему они оказались убитыми или отбывают тюремный срок, беспокоит многих женщин, они не знают, как это правильно сделать. В Ингушетии и Дагестане некоторые семьи не обсуждают историю отца, и тогда дети узнают о произошедшем от других людей или из интернета.

В Чечне семьи обычно объясняли детям, что отец воевал и погиб за свои убеждения или родину. Все опрошенные жены заключенных в Чечне отметили, что их дети гордятся отцами. У большинства детей есть глубокая потребность в положительном образе отца, так что попытки власти навязать им отрицательный образ вряд ли будут успешны. Более адекватной оценке произошедшего могла бы способствовать широкая дискуссия о постсоветской чеченской истории с привлечением независимых экспертов и очевидцев, которая помогла бы молодежи сформировать собственное критическое мнение о трагических событиях того времени, понять, что жестокие преступления совершались всеми сторонами конфликта. К сожалению, в сегодняшней Чечне и России организовать такие открытые обсуждения практически невозможно, однако в будущем они должны состояться, так как без обсуждения и принятия взаимной вины примирение и устойчивый мир невозможны.

В Чечне дети респонденток, чьи мужья отбывают пожизненный срок, имеют возможность ездить к отцам на длительные свидания. Все матери рассказывают, что дети очень тяжело переживают встречу с отцами в условиях тюрьмы. Психологическое сопровождение детей до и после таких поездок желающим семьям могло бы сделать такие визиты менее травмирующими.

Большинство женщин сказала, что их дети учатся хорошо или удовлетворительно.

Поддерживать развитие своих детей, как хотелось бы, получается только у двух женщин в каждой республике. Остальные не могут себе позволить оплату кружков и секций, слишком заняты или детей некому возить на занятия.

У детей, вернувшихся из зоны конфликта в Сирии и Ираке, имеются общие характеристики с детьми бывших боевиков, воевавших в России, однако есть много и специфических особенностей. Эти дети имеют более тяжелые психотравмы, а некоторые — ранения, у них более серьезные проблемы со здоровьем и адаптацией, дети младшего возраста плохо владеют русским языком, а старшего — имеют серьезные пробелы в школе в связи с большими перерывами в обучении. В Чечне у семей, где вернувшиеся дети рождены в браке с нечеченцами, порой возникают дополнительные проблемы их неприятия родственниками в связи с тем, что межнациональные браки там осуждают-

ся, особенно когда женщина выходит замуж за иностранца. Женщин, уехавших на Ближний Восток, в обществе однозначно осуждают, они находятся в изоляции.

В большинстве случаев опеку над вернувшимися детьми-сиротами берут бабушки, уже немолодые, имеющие собственные проблемы со здоровьем и травмированные потерей сына или дочери. Опрошенные нами бабушки еще не получили право постоянной опеки над детьми, а значит, не получают денежного пособия и содержат детей на свои пенсии. Им катастрофически не хватает средств на лекарства и лечение и содержание внуков, на ликвидацию их пробелов в знаниях, часто они не знают, как помочь детям справиться с горем потери родителей и с другими сложнейшими вызовами, окружающими их в обществе и в школе.

Почти все опрошенные нами женщины говорили о необходимости программ, направленных на помощь в адаптации их семей. Этим семьям нужна социальная, психологическая, благотворительная помощь, а также помощь в учебе и развитии детей. Взаимодействие с правоохранительными органами должно осуществляться строго в рамках закона. Работа с семьями должна быть прозрачной, деликатной и не стигматизирующей. В случае необходимости в ней может быть задействован специально подготовленный теолог и консультант в сфере профилактики радикализации. Сироты, вернувшиеся из зоны конфликта на Ближнем Востоке, нуждаются в отдельной реабилитационной и интеграционной поддержке. Долгосрочный мир на Северном Кавказе во многом зависит и от того, насколько успешными, психологически устойчивыми и включенными в жизнь общества вырастут эти дети.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Правоохранительным органам и органам власти республик Северного Кавказа:

1. Поддерживать программы содействия социально-психологической адаптации семей бывших боевиков, включающие комплексную правовую, психологическую и социальную поддержку. Такую помощь нужно оказывать и другим семьям, пострадавшим в результате вооруженного конфликта, например, вдовам убитых полицейских, а также семьям, оказавшимся в ситуации острого жизненного кризиса и отобранным по определенным критериям.
2. Не оказывать давления на благотворительные фонды и общественные инициативы, ведущие благотворительную, правовую и социально-психологическую работу по помощи таким семьям в рамках существующего законодательства.

С целью успешного преодоления острой кризисной ситуации, связанной с арестом или гибелью кормильца:

Государственным и неправительственным организациям, оказывающим психологическую помощь гражданам:

3. Развивать программы бесплатной психологической помощи членам семей бывших боевиков, гарантировать конфиденциальность помощи в рамках, предусмотренных законодательством РФ.
4. В рамках этих программ развивать не только работу с семьями в острых кризисных ситуациях, но и налаживать психологическое сопровождение детей, посещающих отцов в тюрьмах (до и особенно после свиданий). Оказывать поддержку женщинам, которые нуждаются в помощи, в вопросе обсуждения с детьми судьбы их отца, включая его арест или гибель. При желании семьи сопровождать ее в процессе налаживания коммуникации по этому вопросу.

Религиозным деятелям и мечетям:

5. Организовать индивидуальные сессии поддержки для уязвимых женщин с целью преодоления травм и сложных жизненных ситуаций, для проведения которых прибегать к помощи женщин-теологов, получивших религиозное образование.

С целью успешной адаптации семей к жизни в отсутствие кормильца:

Уполномоченным по правам человека в регионах:

6. Проводить разъяснительные беседы с работниками государственных услуг и сферы образования о недопустимости дискриминации и обращения, унижающего достоинство членов семей бывших боевиков.

Правозащитным организациям:

7. Оказывать юридическую помощь семьям бывших боевиков по социальным,

жилищным, семейным вопросам (включая право вдов воспитывать детей, процедуры получения постоянного опекуна или пособий по потере кормильца).

Правоохранительным органам:

8. Работать с семьями убитых боевиков строго в рамках закона, исключить грубое обращение, вторжение в частную жизнь, организовывать обыски и аресты подозреваемых, в домах которых находятся маленькие дети, таким образом, чтобы минимизировать психологическую травму для детей, расследовать и привлекать к ответственности за факты нарушения законодательства сотрудниками полиции. В Республике Дагестан незаконная практика профучета должна быть отменена не только де-юре, но и де-факто.

Социально-ориентированным организациям и благотворительным фондам:

9. Оказывать помощь семьям, которые не могут обеспечить себе базовые потребности, в приобретении медикаментов, продуктов питания, школьных принадлежностей для детей.
10. Предлагать женщинам из уязвимых семей курсы профессиональной подготовки/переподготовки и малого бизнеса, которые могли бы помочь им заработать на жизнь. Включать в такие курсы и современные навыки, востребованные на рынке: например, ведение бизнеса в интернете, продвижение товаров через социальные сети. Организовать при центрах группы присмотра за маленькими детьми, которые позволят обучаться матерям.

С целью успешного развития и адаптации детей бывших боевиков:

11. В образовательных учреждениях исключить попытки открыто выделять детей из этих семей в отдельную категорию и проводить с ними профилактическую работу. Любая поддержка детей должна быть ненавязчивой и исключать возможность стигматизации.
12. Создать систему поддержки обучения детей из подобных семей, подготовки их к школе, а также помощи в учебе и самореализации.

С целью успешной реинтеграции детей, вернувшихся из зоны конфликта на Ближнем Востоке:

13. В Чечне и Дагестане открыть специальные программы ресоциализации, которые смогут оказывать правовую, психологическую, теологическую, педагогическую помощь вернувшимся детям и их опекунам. При центрах создать выездные службы специалистов разного профиля, которые смогут проводить регулярный выездной прием в селах.
14. Организовать летний интеграционный лагерь для детей, вернувшихся из Сирии и Ирака, и их опекунов, который будет включать психологическую помощь, нацеленную на преодоление травмы, лечение, занятия с преподавателями с це-

лью ликвидации пробелов в знаниях, спорт и развлекательную программу для детей. Найти внебюджетные средства для реализации этой программы.

15. Привлекать к работе с уязвимыми семьями независимых специалистов различного профиля, в том числе из неправительственных, особенно местных, женских организаций.

Министерствам здравоохранения ЧР и РД:

16. Выделить дополнительные путевки на санитарно курортное лечение для детей, вернувшихся из зоны конфликта.

Общественным организациям и благотворительным фондам:

17. Создать сеть волонтеров-репетиторов, которые смогут на общественных началах помогать вернувшимся детям ликвидировать пробелы в учебе (в том числе онлайн для детей из отдаленных сел). Привлечь волонтеров, которые при необходимости могут оказать опекунам детей помощь в быту и в хозяйстве.
18. Систематически оказывать благотворительную помощь для удовлетворения базовых потребностей детей, вернувшихся из зоны конфликта, в питании, лечении и медикаментах, до получения постоянной оплачиваемой опеки их опекунами.

I. ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году после поражения террористической организации ИГИЛ¹, в 2014—2016 годах сумевшей захватить большие территории в Сирии и Ираке и удерживать контроль над ними, возник вопрос, что делать с детьми и вдовами убитых там боевиков. Большинство стран не возвращает их домой или возвращает только детей и полных сирот, однако некоторые страны, такие как Россия и Казахстан, реализуют программы по возвращению.

По данным Комитета национальной безопасности Казахстана, в 2019 году при координации КНБ из Сирии возвращены 595 граждан страны: 33 мужчины, 156 женщин, 406 детей². Россия в рамках специальной программы вернула из Сирии и Ирака 24 женщины и более 200 детей³. После возвращения женщин и детей из зоны конфликта встает вопрос об их реинтеграции и адаптации. Во многих странах Запада правительства отказываются репатриировать детей именно потому, что не уверены в возможностях их успешной реинтеграции и дерадикализации. В России силовики также относят вдов и жен боевиков, убитых или приговоренных к тюремным срокам на Северном Кавказе, к группе высокого риска радикализации: в Дагестане их ставят на так называемый профилактический учет, в Чечне проводят профилактические беседы, «работу» с подростками. Однако возникает ощущение, что многие принимаемые меры ведут лишь к большей изоляции, фрустрации, а то и озлоблению женщин и детей, — а каковы реальные потребности этих семей, что надо сделать, чтобы помочь им успешно справиться с тяжелым жизненным кризисом, власти и общество не знают.

В связи с этим Центр анализа и предотвращения конфликтов решил провести небольшое исследование того, как с ситуацией потери кормильца на Северном Кавказе справляются три волны женщин и детей, чьи мужья и отцы были убиты во время чеченских войн (1994—1996, 1999—2009), в ходе дальнейших спецопераций в соседних республиках, или были арестованы и осуждены на длительные сроки тюремного заключения, или пропали без вести после задержания. Мы также опросили вдов, вернувшихся из Сирии и Ирака в Чечню и Дагестан, и семьи, в которые с Ближнего Востока привезли осиротевших детей. По нашим оценкам, на Северном Кавказе проживает несколько десятков тысяч жен и детей бывших боевиков; это большая группа людей с особыми потребностями, которая заслуживает внимательного изучения. При этом нам неизвестно о существовании серьезных социально-психологических исследований этих семей.

Исходя из сказанного, мы поставили перед собой задачу проанализировать, как факт потери мужа/отца, убитого в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе или на Ближнем Востоке или осужденного на длительный срок за участие в незаконных вооруженных группах, влияет на жизнь членов его семьи (вдов, жен и детей). Нас интересовала динамика показателей их психологического и физического здоровья, механизмы адаптации и виды поддержки, которую получили семьи в самый кризисный

¹ Организация признана террористической и запрещена в России

² «Операция “Жусан”: 595 казахстанцев возвращены на родину из Сирии», *Inform.kz*, 6 Февраля 2020 г.

³ «Дети халифата: что их ждет после ИГ*», *Кавказский узел*, 01 декабря 2017 г.

период и после его окончания. Мы пытались получить картину их жизнеобеспечения и доступа к различным услугам, отношений с родственниками, друзьями, сообществом и правоохранительными органами, а также проанализировать характер и интенсивность общения/отношений с заключенными мужьями/отцами.

В ходе исследования были в общей сложности опрошены 40 женщин: из них 35 жен или вдов боевиков: 14 женщин, проживающих в Республике Ингушетия, 11 женщин, проживающих в Дагестане, 10 женщин из Чечни (8 — в Чечне, еще 2 — за пределами Чечни). Также были опрошены 7 семей, в которые вернулись дети из Сирии и Ирака: 3 вдовы и 3 бабушки в Чечне и Дагестане, а также одна тетя двоих вывезенных из Сирии дагестанских мальчиков, ожидающих в Стамбуле оформления документов. Одна вдова была опрошена год назад, остальные женщины — между июлем и декабрем 2019 года. Глубинные интервью с вдовами и женами мужчин, воевавших на Северном Кавказе, проводились в различных населенных пунктах каждой республики: в столицах, небольших городах и селах. Полевое исследование в Ингушетии проводила консультант Центра анализа предотвращения конфликтов, руководитель АНО «Ресурсный центр «Развитие» Джанетт Ахильгова, исследование в Дагестане, Стамбуле и интервью с чеченками за пределами Чечни — Екатерина Сокирянская, интервью в Чечне — два консультанта из Чеченской республики, имена которых мы не приводим по их желанию. При написании текста нас консультировала психолог, специалист по помощи семьям в кризисных ситуациях, Наталья Нестеренко.

В ходе работы возникли определенные сложности. Надо отметить, что найти респонденток, готовых дать интервью, оказалось сложнее, чем изначально предполагалось, исходя из достаточно большого количества женщин, подпадающих под категорию объекта исследования. В Ингушетии около половины потенциальных респонденток отказались давать интервью, ссылаясь на то, что они «не хотят снова ворошить это» или «нет сил вспоминать». Некоторые женщины отказывались из-за различных опасений.

В Чечне одной из главных трудностей, с которыми мы столкнулась во время поиска респонденток, — это вопрос безопасности. Ни одна из опрошенных женщин не захотела, чтобы в интервью было указано ее настоящее имя. Ни одна из них не согласилась говорить немедленно. Три опрошенные состояли в родственных связях с интервьюером. Перед каждым интервью она говорила с женщинами от 30 минут до 2 часов. Тот факт, что респондентки имели возможность в любой момент связаться с ней и спросить с нее «по чеченским обычаям», в случае если она нарушит конфиденциальность, был для них очень важен.

В Дагестане найти респонденток оказалось проще всего. Тем не менее в целях безопасности и комфорта всех опрошенных женщин имена изменены и названия населенных пунктов, где они могут быть идентифицированы по биографическим обстоятельствам, не указываются.

Наше исследование не претендует на репрезентативность выборки. Мы опрашивали только тех респонденток, которые согласились дать интервью. Однако, исходя из разброса в возрасте, мест проживания, уровня образования и благосостояния, мы предполагаем, что эта группа респонденток отражает основные характеристики всей группы.

II. ПОЧЕМУ ЧЛЕНЫ СЕМЕЙ БЫВШИХ БОЕВИКОВ?

Изучение положения семей боевиков представляется нам важным по трем основным причинам: во-первых, это достаточно многочисленная, но при этом малозаметная социальная группа, на которую общество редко обращает внимание. Во-вторых, у них есть очевидные особые потребности, в-третьих, в целях долгосрочного мира и стабильности на Северном Кавказе крайне важно, чтобы члены семей боевиков успешно преодолели кризис, связанный с гибелью или арестом отца, а их дети чувствовали себя полноценными и состоявшимися членами общества.

Точных данных о количестве вдов/жен и детей боевиков в открытых источниках нет. В настоящее время вооруженный конфликт на Северном Кавказе практически сошел на нет, однако начиная с 1994 года в конфликте участвовали уже три поколения мужчин. В 1994 году ввод российских войск в Чечню и начало операции по «восстановлению конституционного строя» мобилизовали тысячи молодых чеченцев — учителей, трактористов, певцов, журналистов. В основной массе это были светские сепаратисты, вышедшие на войну за идею независимости Чечни от России.

Обе стороны — и федеральные силы, и чеченские сепаратисты — понесли в первой войне большие потери. Точных данных о потерях сторонников чеченской независимости в ней нет, каждая сторона преувеличивала потери противника и преуменьшала свои. Федеральные источники заявляли, что число погибших чеченских боевиков составляет 17 391, что кажется маловероятным. По более правдоподобным оценкам, сепаратисты потеряли от 2500 до 10 тысяч человек⁴.

В 1996—1999 годы самопровозглашенная чеченская республика «Ичкерия» была де-факто независимой, пока в 1999 году не началась вторая чеченская война, официально именовавшаяся «контртеррористической операцией», которая также мобилизовала тысячи боеспособных чеченцев. Многие из тех, кто воевал в первую войну, не приняли участия во второй в связи с тем, что в межвоенный период идеология сепаратистского движения претерпела значительные изменения, в нем стали преобладать радикальные исламисты.

В 2002 году конфликт стал распространяться и на соседнюю Ингушетию, которая в тот момент приняла 300 тысяч чеченских беженцев, спасавшихся от массированных бомбардировок городов и сел. Боевики совершали нападения, силовики раскручивали маховик незаконного насилия: похищений, пыток, внесудебных казней⁵. К 2004 году Ингушетия превратилась в зону конфликта, в вооруженном подполье стали принимать участие не только чеченцы, но и, очень активно, местные ингуши.

13—14 октября 2005 года от 100 до 200 боевиков совершили нападение на здания силовых ведомств в столице Кабардино-Балкарской Республики Нальчике. В результате атаки, по официальным данным, были убиты 33 сотрудника правоохранительных

⁴ Г.В. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил», с. 584, 2001 г. «Цена войны, Кавказ.Реалии», 12 декабря 2017 г

⁵ «Конвейер насилия. Нарушения прав человека в ходе проведения контртеррористических операций в Республике Ингушетия», Правозащитный центр «Мемориал», 1 сентября 2005 г.

органов, погибли 15 мирных жителей и 92 нападавших. Более 100 человек, в основном сотрудники МВД, были ранены, более 2 тысяч человек задержаны по подозрению в причастности к нападению⁶.

К 2007 году чеченский светский сепаратистский проект окончательно превратился в северокавказский джихадистский, а вместо «Ичкерии» лидерами боевиков был провозглашен курс на создание северокавказского шариатского государства «Имарат Кавказ»⁷. Официально вторая война закончилась в 2009 году, когда в Чечне был отменен режим «контртеррористических операций»⁸.

Данные потерь боевиков во второй войне также расходятся. С федеральной стороны в июле 2002 года сообщалось о 13 517 уничтоженных боевиках⁹. По данным журналиста Андрея Бабицкого, взявшего интервью у лидеров чеченских сепаратистов в 2005 году, те оценивали число убитых боевиков в период с 1999—2005 год в 3600 человек. По данным Правозащитного центра «Мемориал», 3—5 тысяч только пропали без вести, обычно после задержания¹⁰. Мы причисляем без вести пропавших к той же категории граждан не потому, что считаем похищенных людей причастными к вооруженному подполью, а потому, что таковыми их считают силовики, и они относятся к женам без вести пропавших примерно так же, как к вдовам убитых.

Сейчас вооруженное противостояние почти сошло на нет в связи с массовым оттоком северокавказских радикалов в Сирию и Ирак в 2014—2016 годах, а также уничтожением оставшихся групп боевиков на Северном Кавказе. Вооруженного подполья больше не существует. Время от времени в регионе случаются нападения одиночек или небольших групп очень молодых людей, подпавших под влияние идеологии ИГИЛ. Несмотря на заметную тишину и практическое отсутствие боестолкновений, по заявлению директора ФСБ Александра Бортникова, за первые 9 месяцев 2019 года в России были задержаны 700 предполагаемых боевиков¹¹. Это данные по всей стране, однако традиционно большая часть таких задержаний приходится на Северный Кавказ. По данным Бортникова, в последние годы 5500 российских граждан примкнули к террористическим организациям за рубежом¹².

Таким образом, мы получаем от 10 до 28 тысяч погибших бойцов на стороне чеченских сепаратистов только во время активной фазы конфликта в Чечне, включая без вести пропавших. К этому надо прибавить около 5,5 тысяч погибших или оставшихся в Сирии и Ираке, а также погибших боевиков и людей осужденных за участие в вооруженном подполье в Ингушетии, Дагестане, КБР. Здесь важно оговориться, что в рамках расследования этой категории дел применение пыток и фальсификации доказательств

⁶ 1 ноября 2005 г.; Ирина Гордиенко. Процесс 58-ми // Кавказская политика. 2012. 30 июня: «Дело 58-ми». Нальчик», Правозащитный центр «Мемориал». «Северный Кавказ: сложности интеграции (ii), исламский фактор, вооруженное подполье и борьба с ним», Международная кризисная группа, 19 октября 2012 г.

⁷ Организация признана террористической и запрещена в России.

⁸ «В Чечне снят режим контртеррористической операции», РБК, 16 апреля 2009 г.

⁹ «Война и права человека», Права человека в России, 28 января 2004 г.

¹⁰ «Черкасов: книга об исчезнувших жителях Чечни — это история безнаказанности российских военных», Кавказский узел, 13 февраля 2012 г.

¹¹ «ФСБ отчиталась о предотвращении 39 терактов в 2019 году», Коммерсантъ, 16 октября 2019 г.

¹² «ФСБ отчиталась о предотвращении 39 терактов в 2019 году», Коммерсантъ, 16 октября 2019 г.

являются очень распространенным явлением, поэтому назвать всех осужденных боевиками невозможно. Надежной статистики по количеству потерь боевиков в этих регионах с 2002—2020 годы тоже нет.

В своем бюллетене о ситуации в зоне конфликта на Северном Кавказе зимой 2018—2019 года Правозащитный центр «Мемориал» приводит таблицу потерь боевиков на Северном Кавказе (таб.1) за гораздо более короткий период — с 2012 по 2018 год (по данным правоохранительных органов)¹³.

Таблица 1.

Год	Убито боевиков / в т.ч. лидеров	Задержано боевиков и особников / явилось с повинной	Общие потери НВФ
2012	391 / 50	461 / 44	896
2013	260 / 42	Более 500 / 72	Более 832
2014	243	644	887
2015	156 / 36	770	926
2016	Более 164 (по другим данным — 140) / 24	Более 900	Более 1064 (по другим данным — 1040)
2017	78	1018	1096
2018	65 / 10	861	926

Согласно приведенной таблице, потери боевиков за семь лет составляют более 6627 человек. Однако эти данные правозащитники ставят под сомнение. Анализируя статистику, озвучиваемую руководителями силовых структур каждой отдельной республики, их заявления о значительном снижении террористической активности начиная с 2016 года, а также о том, что боевиков в их республиках практически не осталось, авторы бюллетеня делают выводы, что федеральная ведомственная статистика может быть в значительной степени завышена, чтобы усилить отчетность.

Однако даже если хотя бы половина из убитых и арестованных с 1994 года мужчин, которых силовики считают боевиками, была жената и имела детей, то, следовательно, несколько десятков тысяч женщин и детей остались без кормильца. Это большая группа людей для небольшого региона, и она заслуживает серьезного изучения. Сейчас поколение первой волны уже выросло, многие сами стали родителями, и в их судьбе уже вряд ли можно что-то кардинально изменить, однако их истории поучительны для общего понимания проблемы. Дети второго и третьего поколения еще маленькие или подростки, и их еще можно и важно поддержать в реабилитации и развитии.

Внимание к семьям боевиков необходимо еще и потому, что у этой группы, очевидно, есть особые потребности — как в связи с пережитыми психотравмами, так и в связи со стигмой и отношением к ним правоохранительных органов. В разгар вооруженного конфликта на Северном Кавказе силовики относились к семьям боевиков и террористов с большим подозрением, а то и ненавистью. В Чечне и Дагестане в отношении

¹³ «Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2018 — 2019 гг.», Правозащитный центр «Мемориал», 15 апреля 2019 г.

членов семей проводили карательные операции: прежде всего, силовики взрывали и сжигали их дома. После теракта в театре на Дубровке в Москве в 2002 году дома родственников террористок-смертниц были взорваны российскими военными¹⁴. В Чечне и Дагестане дома взрывали и сжигали все последующие годы. Правозащитные организации говорили об устойчивой карательной практике в отношении родственников боевиков¹⁵.

Автор этого доклада лично стала свидетелем того, как 20 февраля 2014 года в селе Агачаул Республики Дагестан был взорван дом родителей Алаудина Дадаева, подозреваемого в пособничестве членам вооруженных формирований. Это произошло через три дня после задержания Дадаева вдали от дома, никакой террористической операции в момент взрыва дома не было, родственников эвакуировали, на глазах семьи и прибывших туда общественников дом взорвали, а впоследствии заявили, что внутри было обезврежено взрывное устройство¹⁶.

Ситуация членов семей боевиков в Чечне усугубилась с завершением процесса «чеченизации» конфликта в 2003—2004 году, когда власть в республике была передана пророссийским чеченским вооруженным формированиям, а правоохранные функции в основном стали выполнять местные силовики из числа чеченцев. Консолидировавший власть Рамзан Кадыров стал широко применять принцип коллективной ответственности, и местные силовые структуры стали проводить аресты, захваты в заложники, применять пытки и сжигать дома членов семей боевиков¹⁷. В основном под удар попадали семьи мужчин, воевавших против «кадыровцев» в составе «Имарата Кавказ».

После официального окончания «контртеррористической операции» в Чечне внимание к семьям сохранилось. С 2016—2017 годов в Чечне стали происходить публичные выселения семей убитых боевиков из населенных пунктов якобы по решению сельских сходов, но очевидно, что на самом деле за этим стоят власти. Родственников убитых полицейских побуждают объявлять кровную месть родственникам убитых боевиков, апеллируя к традиции кровной мести, при этом извращая ее в своих целях¹⁸.

В основном репрессиям подвергались мужчины, однако на женщин также оказывалось психологическое и физическое воздействие.

Сегодня во всех регионах Северного Кавказа силовики по-прежнему относят вдов и жен убитых или осужденных к тюремным срокам боевиков к группе высокого риска

¹⁴ Ю. Юзик, «Смертницы “Норд-Оста”: Срываем маски», глава 2 в книге «Невесты Аллаха; Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России», 2003 г.

¹⁵ «Война без войны». Нарушения прав человека в ходе борьбы российских властей с вооруженным подпольем в Дагестане», Human Rights Watch, 18 июня 2015 г. «Расплата за детей. Поджоги домов в Чечне как средство коллективного наказания», Human Rights Watch, 2 июля 2009 г.

¹⁶ «Дагестан: силовики спланировали взрыв СБУ в доме Дадаевых», Правозащитный центр «Мемориал», 21 февраля 2014 г.

¹⁷ «Чечня 2004: “Новые” методы “контртеррора”. Захват заложников и репрессивные действия в отношении родственников предполагаемых комбатантов», Правозащитный центр «Мемориал», 17 марта 2005 г. «Чечня: около 30 сельчан пытали, требуя оговорить земляков», Правозащитный центр «Мемориал», 28 июня 2017 г.

¹⁸ Кровная месть (чир) в Чечне строго регламентирована. За одного убитого мужчину родственники жертвы могут «взять» одну жизнь у семьи убийцы. Это должен быть либо сам убийца, либо его ближайший родственник по мужской линии. Если же убийца уже убит, никакой кровной мести не объявляется. Поэтому нельзя объявить кровную месть уже убитому боевику.

радикализации. Они считают, что дети убитых боевиков могут быть подвержены радикализации из-за желания отомстить за отцов. В последние годы члены семей бывших боевиков стали объектом все более активной «профилактической работы», имеющей целью предотвращение радикализации. Эта профилактическая работа в основном сводится к контролю передвижения женщин в Дагестане и к профилактическим беседам в Чечне, о чем будет подробно рассказано в главе III этого доклада. На наш взгляд, профилактика радикализации должна прежде всего заключаться в поддержке этих семей, в особенности детей, с целью успешного преодоления семейного кризиса, восстановления после травмы, вызванной смертью или арестом отца, утратой привычного уклада жизни, а порой и социальных связей, а также способствовать их гармоничному развитию и конструктивному включению в жизнь общества.

III. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРИ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МУЖА НА ЖЕН И ВДОВ

В этой главе мы рассмотрим, как потеря и длительное заключение мужа повлияли на жизнь опрошенных нами женщин. На момент задержания/убийства супруга респондентки состояли в браке от 3 месяцев до 25 лет. Отношения с мужем, предшествовавшие браку, завязывались по-разному:

- сватовство родственниками;
- умыкание по совместному решению;
- знакомство через родственников и последующее общение, закончившееся браком;
- знакомство на мероприятиях, через друзей, в лагерях беженцев, общение и последовавшее за ним вступление в брак;
- одну женщину муж умыкнул против ее воли;
- брак в Сирии, организованный третьими лицами, без предварительного знакомства с женихом.

Все женщины, вышедшие замуж на Северном Кавказе, кроме той, которую умыкнул муж, вышли замуж по любви. Но и она рассказала, что вскоре после замужества стала испытывать к мужу чувства и подпала под его идеологическое влияние, что сильно изменило ее мировоззрение в сторону ненависти к органам власти. Женщина, вступившая в шариатский брак в Сирии, говорит, что любила обоих своих теперь уже погибших мужей «как братьев», но выходила за них под давлением обстоятельств «в грязных шмотках, от безысходности».

Общие черты погибших/осужденных мужей, по словам респонденток, можно свести к религиозности, отсутствию вредных привычек. Однако в отношениях со своими женами и детьми погибшие и осужденные мужчины обнаружили разнообразие моделей поведения. Некоторые опрошенные женщины говорили о партнерских отношениях, в которых они помогали друг другу.

«Был спокойный, без заходов. Помогал мне с дочкой. Вставал ночью все время, укачивал ее — она была очень капризная» — Джаннат, Ингушетия.

«Он нереально любил своих детей... очень любвеобильный» — Хадижа, Ингушетия.

«Он умел зарабатывать, договариваться. У него опыт был. Он стремился всегда сделать больше и больше. Ему очень нравилось. Даже помогать жене вешать занавески ему нравилось... Я бесконечно могла бы рассказывать про своего мужа, какой он у меня был, есть Иншааллах» — Тоита, Чечня.

Были случаи, когда отношения строились на доминировании и насилии. Три ре-

спондентки упомянули эпизоды физического и психологического насилия со стороны мужей и их родственников.

Одна из них рассказала, как через месяц после свадьбы задержалась в университете, и не успела вернуться домой до темноты. Ее встретили недовольные муж и свекровь. После этого, уже в спальне, куда она зашла переодеться, муж ее за это отчитал и несколько раз ударил. Вернувшись на кухню, она попыталась развеселить свекровь, сказав ей, что у нее получается прекрасное тесто, и предложила приготовить вместе вареники. На что свекровь велела ей сперва помыть руки, так как она «пришла, наигравшись гениталиями мужа». После этого она была вынуждена помыть руки, приготовить вареники, накрыть на стол и обслужить семью.

Один из осужденных мужей в Ингушетии перед арестом собирался привести вторую жену, что крайне расстроило нашу респондентку.

В Чечне все опрошенные женщины, кроме той, что вышла замуж после умыкания, описывают своих мужей исключительно с положительной стороны. Последняя долгое время испытывала глубокую обиду и даже ненависть к мужу за то, что ей и ее детям пришлось пережить в результате его поступков. Однако семь лет спустя, наладив, наконец, свою жизнь, она рассказала, что ее «отпустило» и обида ушла.

Психологическое и физические здоровье

Подавляющее большинство опрошенных женщин рассказало, что потеря или арест мужа очень сильно повлияли на их психологическое и физическое здоровье. Свое состояние в первое время после потери женщины описывают как шоковое. Все они зависели от мужей как материально, так и морально. Все говорят, что не знали, что делать дальше.

«В то время чувствовала себя... потерянной во всем, от всего мира. Беременной остаться... У меня были психологические расстройства после того, как муж пропал. Нервничала сильно, трясучка началась, проблемы с дыханием с тех пор. У меня был очень сильный нервный стресс. До рождения ребенка я плакала почти каждую ночь. Плакала, когда одна оставалась» — Тоита, Чечня.

В первое время после случившегося женщины чувствовали опустошение, потерянность, подавленность, вялость, бессилие, ненужность, неспособность есть, разговаривать и двигаться. Многие женщины говорили, что у них начались серьезные проблемы со здоровьем, у двух возникли пищевые расстройства и большая потеря веса.

«Состояние, как будто мозг заморожен» — Аза, Ингушетия.

«Три дня я не могла даже глоток воды сделать» — Мадина, Ингушетия.

«В тот момент мне слово было нельзя сказать. Я не могла детям готовить, свекруха помогала, она готовила, родные кричали на меня: «Хоть детей пожалей». Я сама не ела, почти дистрофиком стала. Я думала: он голодает, я тут еду кушаю» — Камилла, жена осужденного, Дагестан.

Многие женщины на момент гибели, похищения или ареста мужа были беремен-

ны, что негативно отразились на их состоянии и родах:

«Я была беременная, у меня был такой стресс, я очень плохо родила, ребенок был в реанимации» — Мадина, Дагестан.

«Когда моего мужа не стало, я была беременна двойней. Этот стресс очень навредил моей беременности. Я за два месяца сбросила почти 15 килограмм. Пала в обмороки. Мне даже врачи говорили сделать аборт... И потом я просто не разговаривала. Я даже своего маленького сына от себя оттолкнула. Я очень изменилась, думала, я с ума сошла. Было состояние, как будто весь мир почернел. Не было никакого жизненного интереса. Ничего меня не волновало — то, что я должна родить, что у меня дети, что я должна их на ноги поставить, — вообще этого ничего не было. Полностью было ощущение, что мой час настал» — Хава, Чечня.

Раисат из Махачкалы потеряла ребенка. Девочка умерла на второй день после рождения.

Жена осужденного из Чечни объяснила, что боль ее не стихает, и с момента ареста мужа 16 лет назад психологическое состояние не улучшается. Об этом говорили и все другие женщины, не вышедшие замуж после смерти или заключения мужа.

Опрошенные свидетельствуют:

«С тех пор это состояние не менялось. Пустота и все. Сейчас мне кажется, даже тяжелее. Нет человека, с которым я могу поделиться радостью или обидой» — Зарина, Чечня.

«С тех пор я чувствую себя так, как будто у меня нет правой стороны туловища, правой руки. Какое состояние может быть у человека, у которого нет правой руки?» — Карина, Чечня.

В Ингушетии одна респондентка, со времени заключения мужа которой прошло более трех лет, сказала, что ее состояние только ухудшилось. Она же заметила, что ей плохо, но никто не обращает на нее внимания. К тому же у нее наблюдается постоянный навязчивый страх за детей, который появился после задержания мужа. Она боится выпускать их из дома. Вдова из Дагестана также описала свое состояние как «постоянный страх за детей».

Некоторые респондентки говорили, что потеря мужа их полностью сломила.

«Я полностью сломалась. По течению плыву... Лет десять я надеялась (что он найдется), теперь не надеюсь» — Марет, жена пропавшего без вести, Чечня.

«Как будто жизнь моя ушла, смысл жизни я потеряла» — Гулизар, жена пропавшего без вести, Дагестан.

Одна вдова прямо сказала, что после смерти мужа жить не хотела, и, если бы в тот момент ей кто-то предложил взорвать себя, она могла бы это сделать. От радикальной стези ее удержали дети. Через год после смерти мужа эта женщина смогла уехать из Чечни и мысли о насилии и смерти у нее прошли. «Когда я уехала из Чечни, я тогда успокоилась: другое общество, свобода, делаешь, что хочешь, тебя не дергают, ни к

чему не будут принуждать. И как я выбралась из этой среды, все у меня изменилось к лучшему».

Для большинства женщин арест или гибель мужа стали неожиданностью.

22-летняя вдова из Чечни, чей муж, оставив ее, беременную двойней, уехал в Сирию, рассказала:

«Для меня это было полной неожиданностью. Даже когда он туда уехал, я ни на минуту не верила, что он умрет. Он очень ждал детей, говорил: даст Бог, у меня будет еще один сын. А родилось целых два! Он планировал прожить жизнь со мной» — Хава, Чечня.

Однако некоторые женщины осознавали, что такое может случиться. Чаще всего так было в ситуации, когда мужчина находился на нелегальном положении или, в случае Чечни, участвовал в боевых действиях на стороне сепаратистов.

Зарина из Грозного рассказала:

«Его убили федералы на федеральной трассе и привезли в РОВД нашего села. Я понимала, что его могут убить. Даже когда выходила замуж, понимала, что это может случиться».

Другая вдова из Чечни, чей муж совершил нападение на РОВД, рассказала, что через полгода после того, как вышла замуж за умыкнувшего ее мужа, стала замечать, что он ведет себя странно. Остановить его или сообщить кому-то девушка боялась.

«Мне говорил: «Ложись спать», а сам через окно выходил, через три-четыре часа приходил. «Где ты был?» Не рассказывал. Вещи менял, в одних уходил, в других приходил. Приносил какие-то пакеты. Вскоре я все поняла. Сперва мне было страшно, дико, я не понимала, что мне делать. Поговорить я ни с кем не могла. Это было табу, муж меня так настроил, что все, что за порогом дома, — это тайна. Он бил меня часто, и про это я тоже молчала. Он сказал: «Если хоть одно слово кому-то скажешь, я тебя не оставляю». А ближе к развязке я уже понимала, чем все закончится. Он и матери, и сестрам говорил: «Вот увидите, что будет с этим РОВД, как они будут разлетаться на кусочки». Это РОВД он особенно ненавидел. Его забирали, пытали, и друзей его, даже насиловали мужчин. Я ничуть не оправдываю его поступок, просто такая у него была причина» — Сацита, Чечня.

По словам опрошенных женщин, больше всего в адаптации к новым реалиям им помогла поддержка родственников. В Ингушетии поддержку родственников (своих и/или мужа) называли 57 %, в Дагестане — 80 %, в Чечне — 80 %.

«Больше всего меня поддерживают мама и папа. Больше никто. Дети, естественно, но в первую очередь мама с папой».

На втором месте по значимости опрошенные женщины упоминали веру в Бога:

«Я очень рада, что я пережила это с иманом (верой). Бог дал мне терпение, чтобы перенести, пережить это все... Я никогда не обращалась к психологу. Никакой медицинской помощи мне не требовалось. Как у нас у мусульман, когда плохо, мы обращаемся к самому Создателю» — Хава, Чечня.

Жена без вести пропавшего из Каспийска тоже рассказала, ей помогали молитвенные обращения к Аллаху, а из людей больше всего поддерживали подруги.

Раисат из Махачкалы рассказала, что психологически помогает себе сама:

«Сейчас очень много книжек, все открыто. Гугл — психолог и Гугл — имам».

Она добавила, что и ее поддержала только вера:

«А мама помогала с детьми: мама — самый главный спутник в моей жизни».

Жены осужденных, у которых сохранились близкие отношения с мужьями, говорили о том, что их поддерживает муж:

«Меня сейчас поддерживает то, что я езжу к нему, то, что я его вижу, то, что я его слышу, то, что он мне говорит: «Иншааллах, все пройдет, Аллах свидетель всему, и пусть накажут тех, кто был действительно виновен» — Тоита, Чечня.

Многим женщинам преодолеть горе помогла работа. Она помогла им обрести новый смысл в жизни, новые силы, заняться делом и отвлечься. 22-летняя вдова из Чечни, чей муж уехал в Сирию, рассказала:

«Это событие очень сказалось на моем психологическом состоянии... Я днем и ночью плакала... вообще не хотела выходить на улицу, никого видеть не хотела, чтобы мне о нем говорили, чтобы спрашивали... Мама мне сказала: “Тебе надо выйти на работу, чтобы отвлечься”. Когда я вышла на работу в магазин, начала ментиться, среди людей начала находиться. К работе начала очень ответственно относиться. И я как-то оттолкнула от себя эту беду» — Хава, Чечня.

Вдова из Каспийска рассказала, что после гибели мужа открыла собственный небольшой бизнес, это помогло ей начать зарабатывать на жизнь и постепенно адаптироваться к новым реалиям.

Практически все женщины отметили, что ответственность за детей заставила их преодолеть состояние бессилия:

«Переключалась на самосохранение — я была беременна... Потом переключилась на ребенка» — Айша, Ингушетия.

«Дети поставили на ноги... смысл жизни... некогда было думать о нем» — Ася, Ингушетия.

Девять из десяти опрошенных женщин в Чечне живут со своими детьми. У одной женщины, чей муж пропал без вести, а потом был найден убитым, забрали ребенка. После убийства мужа она еще три года жила с родственниками мужа, но отношения со свекровью не складывались, и когда она решила вернуться в отчий дом, свекровь забрала у нее сына¹⁹.

Эта женщина рассказала, что не нашла поддержки ни у кого, напротив на нее сы-

¹⁹ По чеченской традиции после развода или гибели мужа, дети чаще всего остаются с родными отца. Считается, что ребенок «принадлежит» тейпу (роду) отца и этот род за него несет ответственность.

пались обвинения и упреки:

«Никто меня не поддерживал. В буквальном смысле слова. Наоборот, меня обвиняли мои же родственники в том, что я за него вышла замуж. Его мать обвиняла в том, что я вышла за ее сына. Никакой поддержки не было. Сейчас я уже пережила, а тогда было очень страшно» — Мадина, Чечня.

У еще одной вдовы свекровь тоже пыталась отобрать детей, однако ее родители встали горой за внуков.

«Мама моя билась за моих детей. Отец мой тоже меня защитил, он сказал: “Не надо их отдавать, они такими же вырастут, как их отец”. Отец меня сильно поддерживал в этой ситуации, хотя другие родственники, дядьки приходили, требовали, чтобы мы отдали детей свекрови. Говорили: “За кого она вышла?! Это не наши дети, надо отдать этих детей и покончить [родство] с этой семьей. Меня они винили. У нас даже если женщина не виновата [родные знали, что девушку умыкнули замуж. — Авт.], все равно она виновата» — Сацита, Чечня.

В Дагестане все матери живут со своими детьми. Одна женщина, вернувшаяся из Сирии, живет с дочкой от первого брака, а сын от второго брака остался в Сирии, второй муж не позволил ей вывезти ребенка с собой.

Еще одна женщина из Чечни рассказала, что горе и необходимость самой ставить на ноги детей ее закалили и сделали сильнее:

«...я жизнь воспринимаю как сон. То, что суждено, то будет. Смирилась. Это не значит, что я не хочу чего-то хорошего, что я жить не хочу. Просто эта жизнь — сон, ничего больше. Не успеешь моргнуть — все закончится... То, что я через многое-многое проходила, все это пережила, в хорошем смысле меня закалило. Не так, чтобы я стала жестоким, черствым человеком, но... я стала психологически устойчивой».

Ни одна из опрошенных нами женщин в Чечне целенаправленно не обращалась к психологу. Лишь одна имела опыт общения со специалистом, но только потому, что ее подруга работает психологом. Женщина рассказывает, что это помогло ей, что она почувствовала облегчение. Сеанс был единичный, но, по словам вдовы, она поняла, в чем смысл психотерапии, и если бы она ходила на сеансы к врачу постоянно, то ей бы очень помогло. Еще одна вдова сама по образованию психолог сказала, что это ей помогло в преодолении травмы. Она считает, что семь лет спустя справилась со своим кризисом благодаря молитвам и психотерапевтическим навыкам.

В Дагестане лишь одна (вернувшаяся из Сирии) вдова работала с психологом в СИЗО. Она описывала этот опыт как крайне положительный и сказала, что с психологом они очень подружились.

«Она меня называла «принцесса-террористка». Все говорила: ой, вот моя террористка. Она меня любила».

В Ингушетии также лишь одна респондентка указала на то, что прибегала к помощи психолога. Психологическая помощь помогла ей принять факт заключения мужа, дала возможность осознать, что жизнь продолжается. До профессиональной проработ-

ки она засыпала и просыпалась с мыслью о том, как помочь мужу, который был осужден на 16 лет. Она была так сосредоточена на муже, что не осознавала ценность самой себя.

В Чечне все опрошенные сообщили, что им требовалась психологическая помощь. В Дагестане женщины говорили о том же, однако объясняли, что услуги таких специалистов большинству не по карману, а за пределами Махачкалы проблемой является то, что квалифицированных специалистов попросту нет. Так, Заира, которая в 17 лет стала вдовой, рассказала:

«Поддержка от родственников была, но ее недостаточно было для меня. Мне не хватало поговорить с кем-то, всем поделиться с родителями не могу. С подругами я делилась, с сестрой тоже делилась. Но я с удовольствием пошла бы к психологу, к любому бы пошла, мне все равно, мусульманка или нет».

Асият из Дагестана так описала свои механизмы самопомощи:

«Есть на сердце вот такой огромный камень. У меня есть подруги, родственники. Поверхностно могу с ними поделиться, но все не могу рассказать. Она завтра пойдет — тому-сему расскажет. Я бы пошла к психологу, но где его взять и средства нужны большие. Я люблю ехать поездом. Можно подружиться с кем-то, рассказать все и разойтись. Я раз в год езжу в Москву на лечение. Жду с нетерпением этих поездок».

В Дагестане лишь одна женщина, чей муж был осужден за участие в НВФ, сказала, что не стала бы обращаться к психологу:

«К психологу я бы не пошла, я не хотела бы, чтобы вмешивались. Мое состояние зависело от состояния мужа. Зная, что ему было плохо, мне лучше не стало бы. Когда ему лучше стало, мне лучше стало. Если у него в тюрьме плохо (в ШИЗО отравили, драки там бывают), и мне плохо, я начинаю страдать, я опять впадаю в депрессию. Но когда поняла, что с ним все нормально, его уже не пытаются, мне стало легче» — Зура, Дагестан.

Таким образом, наше исследование показало, что все женщины пережили психологическую травму в связи с убийством, похищением или длительным заключением мужа. Многие респондентки рассказывали, насколько уязвимыми они были первое время после потери супругов, описывая свое состояние как «жизнь словно в тумане», «состояние аффекта», «не могла думать рационально», «жила как во сне». По всей видимости, психика не справлялась с шоковой травмой и тогда включался механизм диссоциации, в результате которого они воспринимали события вокруг как происходящие не с ними, будто во сне.

Утрата близкого затрагивает многие уровни, сферы и стороны жизни человека. Чувство одиночества, невозможность разделить свои переживания, непонимание со стороны окружающих, отчаяние, потеря смысла жизни, апатия, отсутствие опоры и поддержки, нежелание жить дальше и даже суицидальные мысли — эти состояния очень характерны для процесса горевания. Многочисленные психологические исследования утверждают, что потеря супруга является одним из самых сильных стрессов, которые человек может пережить в жизни.

Тем не менее очень многое зависит от обстоятельств утраты. Внезапная смерть

мужа переживалась нашими респондентками тяжелее, чем, например, смерть в результате долгой и изнурительной болезни. Связанные с супругом планы на будущее, надежды, мечты обрушились в одночасье. Кроме того, обстоятельства смерти мужей привели к потере некоторых социальных связей, стигме, стыду, конфликтам с родственниками, проблемам опеки над детьми, а то и изоляции женщин. Этим они отличались, например, от вдов погибших при исполнении служебного долга полицейских, мужа которых государством и большинством окружающих воспринимаются как герои, их посмертно представляют к наградам, а семьям выражают соболезнования и оказывают поддержку.

Обычно острое состояние горя утихает в течение года и лишь очень небольшое число людей находятся в нем много дольше, что порой приводит к развитию психических расстройств, депрессии, неврозов, фобий, психосоматических заболеваний, которые влияют не только на качество жизни, но и порой заметно сокращают её продолжительность. Психологи говорят, что женщины, сильно зависимые от своих мужей, склонны испытывать более высокий уровень тревожности длительное время²⁰.

Отличием состояния наших респонденток является то, что большинство из них «застряли» в своей травме, продолжают находиться в ней многие годы, их самочувствие не улучшается, сказываясь на физическом состоянии. Очевидно, что без должной психологической помощи многие из них еще долго будут пребывать в крайне уязвимом положении.

В кризисных ситуациях помощь близких является ключевой, и, по словам опрошенных нами женщин, помощь родственников была и остается самой большой поддержкой, которую они получали. На втором месте по степени значимости — вера, что указывает на то, что предоставление профессиональной психологической помощи в сочетании с теологической женщинам, желающим ее получить, было бы целительным. Общение с женщинами, имеющими высшее религиозное образование и придерживающимися умеренных взглядов в исламе, могло бы стать поддержкой в сложной жизненной ситуации.

Жизнеобеспечение

Смерть или длительное заключение мужчин превратило их жен в главных или единственных кормильцев, которым теперь пришлось взять на себя всю ответственность как по поддержанию существования семьи, так и по уходу за детьми.

36% опрошенных женщин в Ингушетии имеют постоянную работу (имеют собственный небольшой бизнес, работают в магазине); 43 % не имеют вообще никакой занятости, по большей части из-за того, некому ухаживать за детьми или их дети серьезно больны. Две женщины имеют нестабильный заработок — моют посуду на свадьбах или пытаются организовать кабинет хиджамы (лечебного кровопускания). В Дагестане две женщины работают (в столовой), у трех — свои магазины, остальные не работают, ухаживают за детьми.

Овдовевшая в 17 лет Заира рассказала:

²⁰ "Grief, Loneliness, and Losing a Spouse", *Psychology Today*, 16 March 2015.

«У меня есть свой интернет-магазин — небольшой бизнес, изначально он очень меня выручил... Я когда ребенка родила, многие в качестве подарка давали деньги, я собрала их и решила вещи продавать через инстаграм, у родителей все время кланчить деньги было неудобно, мне надо было сына поднимать. Продаю исламскую одежду. Бизнес развивается, очень меня выручает. Все-таки деньги, и магазин меня занимал, я отвлекалась на него» — Заира, Дагестан.

Аида из Дагестана, после похищения мужа оставшаяся с двумя детьми — 2,2 года и 4 месяца, — объяснила, что зарабатывает пошивом одежды, и мать помогает ей деньгами.

В Чечне возможность зарабатывать имеет только половина женщин. Высшее образование есть у четырех опрошенных. Большинство работающих женщин в Чечне призналось, что им не хватает того, что они зарабатывают. В Дагестане две из четырех, имеющих свой доход, сказали, что едва сводят концы с концами.

При этом многие говорили, что официальное трудоустройство в бюджетных организациях, которые обеспечивают основное количество рабочих мест в регионе, для них закрыто. В Чечне одна из вдов рассказала, что из-за смерти мужа она лишилась новой работы.

«Я устроилась в новый садик логопедом и психологом, о том, что случилось с моим мужем, заведующая садом не знала. Две недели не покладая рук работала в саду, уборку делала, кабинет свой обустраивала, готовила к открытию. Один день смотрю: русскоязычный мужчина подходит, начинает расспрашивать... Я сразу насторожилась. Потом через пару дней меня заведующая вызывает, говорит: “Я не хочу тебя расстраивать, но приходила комиссия, сказали: «Как вы могли пустить на порог эту женщину?» Я должна тебя уволить”. Я разрыдалась, такое чувство обиды у меня было, так меня унизили. На меня очень сильно это повлияло, мне плохо бывает, когда вспоминаю этот момент. Для меня эта работа в тот момент была всем. Я как устроилась туда, я свою трагедию забыла. Мужа забыла, думала только о детях, поняла, что жизнь продолжается. Но не дали» — Сацита, Чечня.

Неработающие женщины живут в основном на пособие по потере кормильца, помощь от родственников, пенсии родителей, разовую помощь посторонних людей, которые знают, что их дети растут без отца. Одна респондентка, имеющая шестерых детей, живет после заключения мужа на пособия — свое и сестры-инвалида. В Ингушетии почти все опрошенные признались, что получают помощь в виде небольших пожертвований от частных лиц или благотворительных фондов. Видимо, это свидетельствует о меньшем давлении на благотворительные фонды, оказывающие помощь таким женщинам, в этой республике.

«Один раз человек пришел и принес 20 тысяч рублей. Я долго плакала. Мясо приносили, одежду» — Мадина, Ингушетия.

В Дагестане мусульманская активистка, оказывающая помощь вдовам продуктами питания, рассказала, что находится в сфере постоянного внимания силовых структур, ее телефон прослушивается, саму ее поставили на профучет. Эта благотворительная инициатива охватывает своей помощью 700 семей в Дагестане.

«В полгода один раз мы даем им продукты. Четыре пачки муки, четыре килограмма макарон, две бутылки масла, сахар, пачка гречки, пачка перловки и манки, а также картошку, лук, свеклу. И детям-сиротам праздники устраиваем с угощением. Очень тяжело живут многие женщины. Некоторые в села уезжают, там маленьких детей оставляют, убираться выходят ночью. Бывают очень многие из них сами сироты. Некоторым родители не помогают. Говорят: “Нечего было выходить за такого мужа”, отказываются от них. Им приходится выживать», — объяснила активистка.

В Ингушетии опрошенные нами работающие женщины тоже рассказывали, что маленьких детей они в основном оставляют с родственницами (матери, невестки, свекрови) или одних, так как количество мест в детских садах республики до недавнего времени было очень ограниченным²¹. Одной респондентке, у которой на момент похищения и исчезновения мужа было шестеро детей, пришлось вскоре выйти на работу и просить соседей присматривать за детьми.

У большинства опрошенных нет своего жилья. В Ингушетии более половины респонденток проживают с родственниками. 21 % респонденток живут со своими семьями — с братьями, их семьями и незамужними сестрами; 43 % респонденток проживают с родителями и другими родственниками мужа. Чуть более трети женщин имеют собственное жилье, которое либо не достроено, строится в настоящее время или построено при поддержке родственников.

Только у двух из опрошенных в Чечне и у одной в Дагестане есть собственное жилье. Остальные живут либо у родственников мужа, либо у своих родителей.

«Я живу со своими родителями. У нас спальное место отдельное у сына, у меня, а кухня у нас общая (с родителями). Отец и мать помогают нам с едой. А так я сама работаю, на свою зарплату живем. Что-то продала, что-то купила, свой заработок. Нам не хватает. Бывает, долги занимаю, выкручиваюсь. Тем более сейчас ребенок в подростковом возрасте, 11 класс — репетиторы, спорт и так далее, много чего нужно...» — Хава, Чечня.

«Больше всего мы нуждаемся в жилье. Я бы хотела, чтобы у моего сына оно было. Никакой помощи от государства или НКО я не получаю. Единственное, один раз в год Министерство труда раздает пакет с пачкой риса и еще чего-нибудь. Помогают люди. Особенно в месяц Рамадан. Люди дают милостыню, в день празднования окончания поста раздают деньги, это нам очень помогает. После этого праздника мы обычно ходим в клинику и обследуем сына. Если остается, по мелочи покупаем ему что-то. Это случается раз в год» — Зарина, Чечня.

В Ингушетии тоже самым необходимым в настоящее время опрошенные женщины называли жилье или улучшение жилищных условий, так как часть женщин проживает в ветхих домах без удобств. Одна женщина в Ингушетии призналась, что самая большая

²¹ Ситуация несколько улучшилась в результате реализации федеральной целевой программы поддержки социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2010—2016 годы.

нужда, которую испытывает ее семья, — это оплата лечения и лекарств для ее ребенка. Женщины, имеющие детей более старшего возраста, среди основных нужд, которые испытывает их семья, назвали образование для детей, окончивших школу, сбор детей в школу, возможность посещать садик, возможность оплачивать проезд студентов.

Только одна из опрошенных женщин в Ингушетии и три в Дагестане сказали, что особой нужды не испытывают — у них и детей есть все необходимое.

В Чеченской Республике пособия по потере кормильца от государства так или иначе получала половина опрошенных. Двум из опрошенных отказали в оформлении пособия по причине участия их супругов в военных действиях, несмотря на то что такой отказ незаконен. Еще одной женщине сообщили, что ей не положено пособие, так как ее муж жив, несмотря на то что он отбывает пожизненный срок. Другая жена заключенного пособие получала. В Дагестане и Ингушетии все матери несовершеннолетних детей получают пособие по потере кормильца в размере 7800 рублей на ребенка. Некоторые вдовы получают пособие и на себя. Женам пропавших без вести и вдовам мужчин, убитых в Сирии, обычно необходимо ждать около трех лет, чтобы суд признал мужей безвестно отсутствующими. Только после этого они могут получить пособия.

Доступ к трудоустройству и возможность получения дохода — важнейшие условия успешной реабилитации семьи и налаживания ее жизни после потери кормильца. Негласный запрет на трудоустройство вдов боевиков в бюджетных организациях не только незаконен, но и контрпродуктивен, он не позволяет такой семье обрести новый жизненный путь и способствует ее многолетнему «застреванию» в кризисе.

Доступ к услугам, отношения с близкими и сообществом

В основном опрошенные женщины не сталкивались с отказом в предоставлении услуг в медицинских, образовательных или иных организациях из-за того, что их муж был убит или арестован. Однако в Ингушетии одной из респонденток жестко отказали принять ребенка в первый класс школы рядом с домом, в котором они проживают, мотивируя это отсутствием мест. Хотя стало известно, что детей туда продолжают принимать. Возможно, это было вызвано скорее финансовыми причинами, чем отношением к семье из-за того, что случилось с их отцом.

Другая респондентка сказала, что ей было тяжело получить свидетельство о рождении ребенка и сотрудница загса заметила по телефону: «Ну почему все криминальные дети достаются нам?» Еще одна респондентка рассказала, что при попытке устроить детей в детский сад ей заявили, что ее муж боевик и им не дадут места в садике. В Чечне одну из женщин заведующая детским садом извиняющимся тоном попросила забрать детей из учреждения, однако потом разрешила их приводить без официальной регистрации и велела, чтобы мать не появлялась в саду, а детей забирали бабушка или бабушка. В Дагестане ни одной из опрошенных нами женщин не отказывали в услугах медицинского или образовательного характера.

После смерти, исчезновения или заключения мужей отношения с родственниками у респонденток складывались по-разному. Для подавляющего большинства женщин родственники (свои и мужей) стали опорой и поддержкой.

Родственники женщин чаще всего помогают ухаживать за детьми, помогают деньгами, принимают в свой дом. Чаще именно они помогают женщинам строить дом или

собирает детей в школу. В Ингушетии только у одной респондентки были проблемы в отношениях с родственниками, но они начались с тех пор, как она вышла замуж. Родственники женщины считали ее мужа ваххабитом²². Поэтому после того, как он был арестован и осужден, они постоянно напоминали, что предупреждали о возможных последствиях ее брака. В настоящее время респондентка свела общение с родственниками к формальному посещению свадеб и похорон. Аналогичная ситуация сложилась и в семье одной вдовы из Чечни:

«Они меня все время попрекали, обзывали разведенкой. Говорили, что я сама виновата в том, что моя судьба так сложилась, потому что сама выбрала себе такого мужа. Они называли мужа ваххабитом. Это говорила женская часть моих родственников, мужская лучше относилась. Чужие ничего не говорили, свои говорили».

Еще одна женщина в Чечне упомянула, что в какой-то период ее родственники перестали с ней общаться. Все остальные рассказывают, что отношение родственников к ним не изменилось.

С родственниками мужа отношения тоже складываются по-разному. В Ингушетии половина опрошенных женщин рассказала, что родственники мужа поддерживали их морально и материально. Там, где отношения с родственниками мужа сейчас сложные, они были такими и до случившегося.

В Чечне также отношения у половины из опрошенных с родными мужа складывались хорошо. У остальных — плохо.

Одна из вдов, как было сказано выше, ушла от родственников мужа в отчий дом, у нее отобрали сына, и свекровь всячески препятствовала встречам матери с сыном.

«Эти три года, которые я провела в доме свекрови, были самыми ужасными. Я не могла приехать в гости в отчий дом. Она [свекровь] не пускала меня с сыном, а оставив его, я ехать не хотела даже на день, мне казалось, что у меня его отберут. Поэтому я и не приезжала. Сыну она говорила: “Я твоя мама, а она (я) — Мадина”. Это когда он еще говорить учился. Однажды мой дядя вернул меня в отчий дом и больше не отпустил. Родственники мужа забрали мальчика, я осталась дома. После этого иногда давали видиться (с сыном), с трудом. Потом свекровь попросила подписать отказную — о том, что я отказываюсь от своего сына, чтобы она могла получать на него пенсию. Я отказала ей, естественно. После этого всё, мне его больше не показывают. Я его не видела уже три года. В последний раз видела в 2016 году, ходила к нему в школу, и то он от меня убежал. Его бабушка, моя свекровь бывшая, его дрессирует. Я второй раз вышла замуж через 13 лет, а она ему говорит, что твоя мать тебя бросила, чтобы выйти замуж» — Мадина, Грозный.

Проблема лишения матерей права воспитывать своих детей в Чечне и Ингушетии выходит за рамки этого доклада и требует отдельного исследования и комплексного решения в рамках российского законодательства. Здесь же мы можем лишь отметить,

²² Ваххабизм — религиозно-политическое течение в исламе, названное по имени его духовного лидера Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703—1792). Сформировалось в XVIII веке.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб считал, что истинный ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда, и выступал против всех последующих нововведений. Власти и правоохранительные органы на Северном Кавказе последователей этого движения считают экстремистами, хотя в России это течение в исламе не запрещено.

что эта проблема крайне усугубляет тяжелое состояние женщин, чьи мужья погибли или были осуждены на длительный срок.

С сообществом и соседями серьезных конфликтов из-за случившегося с мужем у респонденток по большей части не возникало. Однако многие женщины и их дети испытывали на себе отдельные проявления предвзятого отношения. В Ингушетии только одна респондентка упомянула, что в первое время после убийства ее мужа люди говорили о нем неприятные вещи, называли террористом.

В Чечне конфликт из-за того, что муж участвовал в военных действиях, был только у одной из респонденток. По словам вдовы, односельчанка обвиняла ее мужа в том, что по его вине ее брат в начале 2000-х присоединился к боевикам.

«Через несколько месяцев после убийства мужа она подошла и сказала мне: «Ну как, нравится тебе быть вдовой? Каково тебе теперь?» Она демонстративно зло-радствовала», — рассказывает Зарина.

По словам еще одной респондентки в Чечне, после того как ее муж совершил самоподрыв, она почувствовала, что к ней изменилось отношение.

«Со стороны соседей, односельчан, на автобусной остановке. Не здоровались, отворачивали взгляды, подруги не приходили... Я еще и поэтому уехала из Чечни, я не смогла бы там жить. Я чувствовала себя изгоем».

Она объяснила такое отношение к себе тем, что ее муж стал смертником:

«Самоподрыв — это самоубийство, в исламе такое запрещено. Когда мужчина просто воюет, к нему многие относятся, как будто он свою родину отстаивает. А если самоподрыв совершил, то он уже радикал, таких осуждают. Люди видели в нем радикала» — Сацита, Чечня.

Еще одна женщина сказала, что со стороны соседей она заметила нежелание общаться, когда ее муж только пропал, но впоследствии это прошло. Другие женщины в целом на плохое отношение со стороны общества не жаловались. Скорее наоборот: создалось впечатление, что общество их жалеет и старается помочь. В Ингушетии большая часть респонденток указала, что окружающие часто им сочувствуют, иногда стараются бесплатно дать какие-нибудь товары или не берут плату за детские кружки. Вдовы в Дагестане также подчеркивали поддержку и сочувствие со стороны соседей и знакомых.

«Я всегда чувствовала поддержку, потому что мой муж был такой общительный человек... Все знали, что он любому может прийти на помощь без всяких корыстных целей. Поэтому никогда не было ко мне негатива» — Заира, Дагестан.

Аида, чьего мужа силовики похитили во дворе на глазах многих соседей, и он пропал без вести, сказала, что соседи стали относиться к ней только лучше:

«Кто раньше не здоровался, стали здороваться. Люди поддерживают. Если сегодня не верят, что невиновных похищают, то когда сами сталкиваются, начинают верить. И все больше людей уже верят».

Общество и власть не должны забывать, что вдовы и дети боевиков не несут от-

ветственности за действия своих мужей и отцов. Зачастую стигматизация таких семей — это не только продукт имеющихся в обществе противоречий и последствий вооруженного конфликта, но и результат действий силовиков и политиков, а также предвзятого освещения проблем безопасности в СМИ. Донесение более сбалансированной и объективной информации о семьях комбатантов, репортажи и истории о том, что им приходится переживать, способствовали бы более толерантному отношению к таким семьям в обществе.

Личностный рост

Смерть и длительное заключение мужей оказали различное влияние на возможности личностного роста и самореализации опрошенных женщин. В Ингушетии треть опрошенных вообще не собиралась работать, даже если их мужья были бы рядом. Одна респондентка заявила, что длительное заключение/убийство мужа ограничило ее возможности проводить время с детьми, поддерживать их, дать им образование. У нее были большие планы. Она окончила школу с золотой медалью и училась на последнем курсе юридического факультета университета, когда в 2012 году ее муж был убит в спецоперации. Девушке пришлось пропустить много занятий, ее отчислили, восстановиться потом она не смогла. Пятая часть респонденток сообщила, что на возможности их личного развития факт смерти/длительного заключения мужа не оказал.

Большинство работающих женщин в Чечне сомневается, что, если бы муж был жив или на свободе, они бы работали и получили образование. При этом, по их словам, им и не хотелось бы работать, если бы мужья были с ними.

Однако Хава из Чечни считает, что из-за ареста мужа и его длительного заключения ее карьера не сложилась:

«Арест мужа сказался на моих возможностях в том плане, что я потратила почти десять лет своей жизни, просто бегая по тюрьмам, по разным заведениям в Пятигорск, в Волгоград. Полноценно устроиться на работу, заняться чем-то своим не могла. Часто думаю о том, что бы я сделала, если бы не потеряла самое основное время, когда мы в молодости можем что-то сделать. Но мне не хотелось мучиться чувством вины, бросив [дела мужа] и решив, что я лучше своей жизнью займусь» — Хава, Чечня.

Так же считает Айша из Махачкалы, у которой два образования: высшее педагогическое и среднее медицинское. Сейчас она все время тратит на образование троих детей: возит их в кружки, на тренировки, занимается с ними языками и делает домашние задания, на свое развитие времени совсем не хватает:

«Мне очень хотелось бы видеть себя работающей успешной женщиной. Хотелось бы реализовать себя... Медицина мне больше нравится, чем педагогика. Я бы в этом направлении хотела развиваться».

Связь с заключенными мужьями

В Ингушетии две из семи жен заключенных никогда не ездили на свидание с мужем из-за отсутствия средств, но очень хотят. Три женщины упомянули, какой значи-

тельной поддержкой стала помощь, которую Красный Крест оказывал им для посещения заключенных мужей. Программа семейных посещений Международного Красного Креста была запущена в январе 2005 года с целью помочь родственникам граждан, задержанных и помещенных в места лишения свободы в связи с вооруженными конфликтами на Северном Кавказе, поддерживать семейные связи²³.

Таких заключенных часто отправляют в тюрьмы, находящиеся на большом расстоянии от республик Северного Кавказа, поэтому далеко не все родственники заключенных имеют возможность ездить с ними на свидания. Так, в Ингушетии одна из опрошенных женщин за семь лет заключения мужа была на свидании только один раз. Четыре из пяти женщин, которые ездили на свидания, смогли также повезти к отцу одного ребенка.

Связь с заключенными мужьями по телефону в настоящее время поддерживают 90 % опрошенных женщин. Кто-то из заключенных мужей может позволить себе видеозвонки два-три раза в день, но есть и те, кто за все время заключения (более трех лет) говорили всего два-три раза, а во время этапирования, которое заняло несколько месяцев, с мужем не было вообще никакой связи, и у жен не были никакой информации. Некоторым заключенным разрешают звонить только по телефону-автомату 10—15 минут один-два раза в месяц. Заключенные мужья, которые звонят с мобильных телефонов, скрывают это от администрации тюрем, так как это нарушение, за которое они регулярно попадают в карцер.

У большинства опрошенных женщин отношения с заключенными мужьями не изменились или изменились в лучшую сторону. Стали более близкими и бережными.

«Отношения с мужем не поменялись. Только стали любить друг друга сильнее» — Мадина, Назрань.

«Расстояние сближает. А отношения у нас изменились в лучшую сторону. После того, как его осудили, он мне сказал: я тебя отпускаю, если хочешь свою жизнь устроить, можешь выходить замуж. Это он по исламу должен был так мне сказать, чтобы я сама могла решать. Но я его жду, и буду ждать. У нас же трое сыновей, как не ждать? Он это ценит. И потому что он у меня такой, я продолжаю ждать» — Сафия, Чечня.

«Он очень ценит. Он знает, что мы ему нужны. Он боится ранить словом» — Тоита, Грозный.

В Ингушетии женщины описывают положение в тюрьмах у их заключенных мужей как непростое. Некоторые говорили, что во время следствия их мужья подвергались пыткам, теряли волосы, зубы, у них были выбиты глаза, неправильно срослись сломанные ребра. Одна из респонденток рассказала, как складывала понемногу деньги, которые ей в виде помощи давали разные люди, накопила 85 тысяч рублей и отправила их мужу, чтобы он смог поставить себе зубы, которые потерял из-за пыток. Другая рассказала, что тюрьма, в которой находится ее муж, считается образцово-показатель-

²³ «Глава делегации МККК в РФ: Кому мы помогаем на Северном Кавказе», Интерфакс, 13 марта 2017 г.

ной и условия содержания и отношение персонала УФСИН в ней человеческие.

В Чечне две из трех респонденток, чьи мужья отбывают наказание, поддерживают с ними связь, ездят на длительные свидания. Одна из них сказала, что не теряет надежды, что муж выйдет на свободу, несмотря на то что он отбывает пожизненный срок. Вторая перестала ездить к мужу три года назад. Она признается, что для нее муж – это всего лишь отец ее ребенка, «а для меня он чужой человек». Она объясняет перемену отношения тем, что отвыкла от мужа, перестала ждать, смирилась с тем, что из тюрьмы он уже не выйдет. Обе женщины называют примерно одну и ту же сумму денег, которую приходится тратить на одно посещение тюрьмы: от 60 до 70 тысяч рублей. Они собирают эту сумму с помощью родственников или берут деньги в долг, две получали помощь от Красного Креста. Никаких сложностей с правоохранительными органами или родственниками при посещении тюрьмы у женщин не возникает.

Положение мужей в тюрьме чеченские женщины описывают как тяжелые. Одна рассказывает, что раньше мужа часто отправляли в карцер. По ее словам, он часто жаловался на пытки. «Мы даже по его просьбе отправляли к нему адвоката, договорившись в Москве с правозащитной организацией, так как он жаловался, что его мучают», — рассказывает женщина. По ее мнению, это происходит в том числе из-за того, что муж сидит в колонии строгого режима.

Вторая женщина, рассказывает, что условия содержания мужа улучшились после того, как его изменили режим содержания: с особого на общий.

В Дагестане жена заключенного рассказала, что регулярно ездит на свидания, постоянно на связи и очень ждет его возвращения. Она все время старается быть в курсе того, что происходит с мужем, и очень болезненно реагирует на любые его проблемы в тюрьме.

Взаимодействие с правоохранительными органами

Режим взаимодействия правоохранительных органов с вдовами и женами боевиков в каждой республике отличается. Наиболее благоприятная ситуация сложилась в Ингушетии: там в ходе интервью мы не зафиксировали грубых нарушений, допросы и следственные действия силовики в основном проводили в рамках закона. Никаких отношений с правоохранительными органами после ареста/убийства мужа не было у трети респонденток в республике. Остальные рассказали, что эти отношения сводились к визитам правоохранителей с общими вопросами, обысками в домах, вызовам в воинскую часть, ГОВД или ЦПЭ, вызовам для сдачи отпечатков или ДНК-анализов. Лишь одна женщина заявила, что сотрудники ФСБ оказывали на нее давление.

По всей вероятности, достаточно благоприятный режим для жен и детей боевиков в Ингушетии объясняется отношением к проблеме профилактики радикализации Юнус-Бека Евкурова, возглавлявшего республику в 2008—2019 годах. Так, например, в 2017 году работа по адаптации членов семей боевиков в Ингушетии была названа приоритетной задачей. Ингушские власти анонсировали создание Координационного совета из числа членов молодежных организаций, который должен был заниматься работой с семьями бывших участников незаконных вооруженных формирований, а в феврале 2017 года был создан первый в стране Общественный совет по работе с родственниками

участников и жертв вооруженных конфликтов²⁴. Правда, впоследствии никакой информации о деятельности этих общественных структур в СМИ не появлялось; они оказались фактически мертворожденными организациями. Тем не менее установки на поддержку, а не репрессии посылали важные сигналы как обществу, так и силовикам.

В Чечне ситуация менее благополучная, что, учитывая степень интенсивности и продолжительности вооруженного конфликта, вполне предсказуемо. Профилактического учета граждан в группе риска в Чечне нет, но у каждого начальника полиции имеются собственные списки семей. Молодых людей отслеживают и регулярно забирают. Выросли дети бывших боевиков — их «ставят на карандаш» и ними «работают». Женщины также находятся под контролем, часть из них не беспокоят, но некоторых вызывают на допросы, следят, ведут прослушку их разговоров, а на других оказывают сильное давление с целью вербовки или предоставления разовой информации.

В Чечне женщина, чей муж был убит в Сирии, рассказывает, что до недавних пор ее очень часто вызывали в районный отдел полиции, в прокуратуру, в отделение ФСБ по району. Женщина утверждает, что она была на последнем месяце беременности, но, несмотря на это, силовые органы вызывали ее каждый день.

«Они спрашивали, вышел ли мой муж со мной на связь, какие вопросы он мне задавал, знала ли я, когда он уезжал, о его планах уехать. Даже после того, как сказали, что его нет [убили. — Авт.], тогда тоже просили прийти. Приходили сами, спрашивали, правда ли это, точно ли это, а может, он жив? Но теперь они точно поняли, потому что он в списке погибших. Раньше он был в списке без вести пропавших. Теперь они... более-менее утихли. Не трогают. Раньше на работу приходили, домой приходили, в дверь стучались... Какие-то анкеты всегда надо было заполнять, какие-то заявления писать. Одно и то же: когда ушел, когда пришел, когда последний раз вышел на связь. Они даже говорили, что им самим надоело, сверху требуют. Но такого, чтобы применять грубость, оскорблять, такого не было» — Хава, Грозный, Чечня.

Респондентка, чей муж отбывает пожизненное наказание, рассказывает о психологическом давлении, которое на нее оказывал следователь на этапе следствия по делу ее мужа. Заставлял подписывать какие-то бумаги, кричал. Об аналогичных ситуациях на этапе следствия говорили и другие женщины и в Чечне, и в Дагестане.

Еще одна вдова в Чечне, чей муж был убит 13 лет назад, рассказала, что в последнее время ее начали часто вызывать в РОВД. Там с ней ведут профилактические беседы о том, как она должна воспитывать своего сына.

«Говорят, проводите со своими детьми воспитательные беседы. Следите, чтобы они не оступились. Меня с сыном вызывали два раза, а мою свекровь, брата моего мужа часто вызывают. Водят их на кладбище, в ФСБ вызывают. Когда меня без сына вызывали, говорили, чтобы я своему сыну не рассказывала о его отце. Говорили, что я не должна говорить, что его отец воевал, был мужественным человеком... Вместо этого я должна говорить, твой отец оступился, обманулся, ты не должен поступать как он... Говорили, следите, с кем они общаются, где они ходят. Они хо-

²⁴ В Ингушетии создадут молодежный совет по социализации семей членов НВФ 1.2017. Сайт Ингушетия.ру, В Ингушетии образован Совет по социализации семей участников и жертв вооруженных конфликтов. 14 февраля 2017. Сайт Ингушетия.ру.

тели, чтобы мы не говорили своим детям, что они должны быть похожи на своих отцов» — Зарина, Чечня.

«Вы не должны говорить ему, что его отец был героем», — цитирует силовиков другая респондентка.

Хуже была ситуация вдовы, чей муж совершил самоподрыв, убив себя и троих сотрудников силовых структур. Она рассказала, что после того, как ее муж совершил теракт, ее жизнь превратилась в ад:

«За мной была постоянная слежка. Они видели во мне потенциальную угрозу, они настраивали свекровь, родственников мужа, что я сделаю то же, что муж [совершу самоподрыв. — Авт.], что я готовлюсь отправиться к мужу. А он как ушел [в лес], у меня никакой связи ни с ним, ни с этими [другими боевиками] никогда не было.

Первое время каждый день домой приходили из разных структур, допрашивали, с уголовного розыска, следственный комитет, ФСБ, РОВД. Следственный комитет, РОВД они просто допрашивали и всё, им нужно было в деле иметь отметку. А эфэсбешник хотел от меня информации [о боевиках, радикалах и других вдовах], он давил на психику, угрожал, провокационные вопросы задавал, он всю мою нервную систему пошатнул. Он говорил: «Если ты вдова боевика, ты тоже в джихаде, ты такая-сякая, ты все знаешь...» В неделю несколько раз он приходил, потом в месяц два-три раза. Русский был. Он говорил, что он будет меня сопровождать всю жизнь: «Ты все знала, ты сама себе этот путь выбрала, у тебя теперь по жизни будут проблемы, и у твоих детей будут проблемы...» Я в этот период и так была в шоке, а эти еще ходят, добивают, травят меня и родственников. Это было невыносимо». — Сацита, Чечня.

Эта же женщина рассказала, что через несколько месяцев после смерти мужа сотрудник силовых структур пытался ее завербовать.

«Через несколько месяцев после того, как я овдовела, один сотрудник начал приносить мне флешки, разные фотки, связанные с мужем, приходил, сопереживал его матери, но одновременно он пытался войти в доверие ко мне. У меня тогда такой период был, что мне все было интересно про мужа, любая информация. Он говорил: я тебе помогу, чтобы тело отдали²⁵, ты сможешь его перезахоронить. Взял у свекрови мой номер, начал писать: «Ты мне понравилась на допросе, давай увидимся, давай встретимся», а сам между делом то про одного спросит, то про другого спросит. То фотографии пришлет: «Ты его знаешь?»

По ее словам, несколько ее знакомых вдов сталкивались с аналогичной ситуацией.

«И я знаю двух-трех женщин, у которых такое случилось. После смерти мужа сотрудник силовых структур пытался завести с ней роман, оказывал много внимания, поддерживал, дарил подарки и всячески добивался интимного контакта, а получив свое, шантажировал ее с целью получения информации. Мне очень жаль этих

²⁵ Согласно ФЗ 205 «О борьбе с терроризмом» тела террористов не выдаются родственникам для захоронения. Их хоронят в неизвестных могилах.

женщин. Это самый уязвимый период для вдовы, она в растерянности, она не знает, что делать, если к ней отнестись с вниманием и добром, она пойдет за этим человеком. И силовики воспользовались этим» — Сацита, Чечня.

Остальные опрошенные в Чечне на проблемы с правоохранителями не жаловались.

В результате, какой-то единой тенденции того, как в Чечне силовики относятся к вдовам разных категорий, выявить не удалось. Ничего общего между женщинами, которые рассказали о проблемах с правоохранительными органами, нет. Муж одной из них был осужден в 2001 году, второй — в 2003 году, третьей — погиб в 2005-м, четвертой — в 2012-м, а пятой — был убит в Сирии в 2016 году. Выявление этих тенденций требует опроса большего количества женщин.

На стадии планирования исследования мы предполагали, что отношение к женщинам, чьи мужья были убиты в начале второй войны федеральными силовиками и боевиками, и тем, чьи мужчины впоследствии воевали против чеченской полиции, будет отличаться. Это предположение частично подтвердилось. Очевидно, что силовики меньше преследуют женщин, чьи мужья были убиты или посажены в 2000-х годах. В этот период вооруженное противостояние происходило между федералами и чеченскими сепаратистами, а прокремлевские чеченские формирования играли второстепенную роль. С 2003 года был запущен процесс «чеченизация» конфликта, прокремлевские чеченские формирования такие как Служба безопасности, возглавляемая Рамзаном Кадыровым, стали играть ведущую роль в борьбе с вооруженным подпольем, тогда же начали применяться принцип коллективной ответственности. К 2008 году почти все силовые структуры перешли под руководство местных жителей из числа родственников и приближенных главы Чечни Рамзана Кадырова, принцип коллективной ответственности стал основой борьбы с остатками подполья.

Однако далеко не всех женщин, чьи мужья воевали против федеральных сил, обошло «внимание» силовиков, и не все жены боевиков, воевавших против «кадыровцев», попали под прессинг. Так, женщина, чей муж и брат были задержаны и осуждены на длительные сроки лишения свободы в 2001 году, во время активной фазы военного противостояния чеченских сепаратистов с федералами, рассказывала, что в этот период, каждый раз, когда она шла домой, сворачивая в свой переулок, думала об одном: «Только бы их машин не было». Но машины силовиков приезжали почти каждый день.

«В дом врывались и местные, и федералы. Участковый приходил, следователи приходили, следили. Очень они нас напрягали» — Сафия, Чечня.

Одна из опрошенных нами женщин, знакомая со многими вдовами, считает, что чем выше находился муж в иерархии подполья, тем более жесткие методы применяются к его вдове. По ее мнению, более жесткие репрессии касаются также женщин, активно поддерживавших вооруженное подполье:

«Я знаю одну женщину, ее били об стенку головой, током били, унижали, потом шесть месяцев держали в шестом отделе [отдел по борьбе с экстремизмом. — Авт.], в карцере, потом еще полтора года тюрьмы. Она всего неделю была замужем, но она сама к мужу в лес ходила, там неделю с ним прожила. У нее теперь большие проблемы с психикой».

Однако нам с такими женщинами поговорить не удалось.

У нас сложилось ощущение, что многое зависит и от конкретного местного начальника. По мнению правозащитника из Чечни «очень многое зависит от главы района. Кто-то говорит: «Лишайте их пенсий, всего их лишайте! Мы их кормим. Они наших убивают!» Другие спокойно относятся. От ситуации, от решений мелких местных чиновников часто зависит положение конкретной вдовы».

Важно отметить, что половина из опрошенных нами женщин в Чечне на незаконные действия силовиков не жаловалась. Возможно, эти женщины меньше страдали от силовиков потому, что гонениям гораздо чаще подвергаются представители мужской части семьи.

В последние годы репрессиям со стороны власти в этой республике обычно подвергаются родственники тех, кто недавно участвовал в нападениях или, по мнению властей, вербовал жителей для участия в террористических актах. В настоящий момент практически все они — молодые люди, иногда даже несовершеннолетние. Во время поиска респонденток мы обнаружили, что найти вдов мужчин, недавно убитых в Чечне, трудно: среди них практически не было женатых людей. Их семьи подвергаются гонениям, но это обычно мужчины.

В Дагестане ситуация с давлением на вдов кажется самой неблагоприятной в связи с широким применением практики профучета. Постановка граждан на так называемый профилактический учет как «экстремистов» («религиозных экстремистов», «последователей ваххабизма») в основном практикуется в Дагестане; с 2015 года, когда в базу были внесены до 16 тысяч человек, она приобрела массовый характер. По данным Правозащитного центра «Мемориал», в основном на профучет ставят людей, исповедующих салафитское течение ислама, но часто в списки профучета попадают и совершенно случайные люди. При этом абсолютное большинство из них никогда не привлекалось к уголовной ответственности и правоохранные органы не обвиняют этих людей в совершении каких-либо преступлений.

Профучет серьезно ограничивает права граждан: их регулярно вызывают и доставляют в отделы полиции, заставляют писать объяснения, снимают отпечатки пальцев, фотографируют, берут образцы ДНК, записывают их голос и походку. Сотрудники МВД требуют от людей, состоящих на учете, сообщать о своих перемещениях за пределы населенного пункта и республики, а затем нередко задерживают их на постах ДПС. Более того, по данным Правозащитного центра «Мемориал», даже после уведомления участкового о поездке человека могут снять с поезда или самолета. К людям, стоящим на учете, приходят домой и проводят осмотр жилища. На работу в бюджетные учреждения, а часто и в частные компании им устроиться почти невозможно. На профучет ставят на длительный срок (50 лет), при этом гражданина не уведомляют об этом, не объясняют, на каком основании его внесли в базу и что сделать, чтобы его имя в базе больше не числилось.

В 2016 году правозащитное сообщество дало жесткий отпор этой практике, а сами граждане начали массово подавать иски в суд, требуя объяснить, на каком основании они оказались на учете. В результате в марте 2017 года глава МВД Дагестана Абдурашид Магомедов в ответ на запрос Верховного суда Республики Дагестан сообщил, что профучет в Дагестане больше не ведется. Тем не менее по данным правозащитников и

наших респонденток де-факто он по-прежнему существует²⁶.

По словам адвоката, много работающего с делами по НВФ и терроризму, «их просто не оставляют, берут у них анализ крови, анализ слюны, походки. «Я не приду!» — «Не придешь, я тебя отправлю в бобик и ночью притащу в отдел». Начиная Юждагом и заканчивая Хасавюртом такое практикуется. Мы официально запрашиваем, отвечают, что профучет не ведется. Но он есть, негласный. С поста могут снять с автобуса в другой город. Тех, которые закрытые [в хиджабах], в госучреждения стараются не брать. Если узнают, что стоят на профучете, то она работы лишается. Ставят на учет детей, самое ценное у матери — ребенок, чтобы родителей лишить родительских прав. Это все продолжается, хотя чуть-чуть слабинку дали последнее время, по каким-то причинам» — Исрафил Гададов, адвокат, Дагестан.

Жена мужчины, три года назад пропавшего без вести после задержания силовиками, рассказала:

«На профучет поставили. Через недельку после того, как муж пропал, они меня вызвали в отдел и спрашивают: “Как вы думаете, где ваш муж?” У меня состояние аффекта было, я не соображала толком. Он меня допросил: фамилия, имя, отчество детей. Сфоткали... Через месяц [после пропажи мужа] был обыск. Потом раз в три-четыре месяца они приезжали. Звонили... Они спокойные бывают, когда приходят. Свекровь кричит на них, проклинает их за то, что сына ее похитили. А они молчат. Я их еще спрашиваю: “Сколько вы валерьянки выпили, прежде чем сюда пришли?” Приезжают, смотрят, я дома или нет. Или участковый звонит свекрови или свекру и спрашивает, где я. Прикомандированные приезжали, паспорт спрашивали, проверили и ушли. Один чуть ли не каждую неделю ходил. Мама как узнала, что он ходит, пошла в отдел к начальнику и сказала: “Почему вы ее мучаете, она и так на нервах сейчас”. Они сказали ей: пусть своими детьми занимается, никто ее мучать не станет» — Аида, Дагестан.

Почти все опрошенные женщины рассказали, что у контролирующих их полицейских нет между собой координации:

«То один вызывает, то другой. Один день один звонит, другой день другой. Не поймешь, кто вызывает. Вопросы одни и те же задают» — Камилла, Дагестан.

Вдовы отмечают, что их дети тоже стоят на профучете:

«Мои дети тоже на учете стоят. Приходила детский инспектор, вызвала к себе в кабинет с документами и свидетельствами о рождении. Они [представители управления по делам несовершеннолетних] иногда приходят, спрашивают: может, вам чем-то помочь? Еще раз меня вызвали в администрацию, спрашивали, нужна ли помощь? Я им говорю, что нам ничего не надо. Если бы будем их помощь брать, они подумают, что мы неблагополучная семья, будут детей постоянно проверять» — Зарема, Дагестан.

²⁶ «Дагестан: незаконный профилактический учет и борьба с ним», Правозащитный центр «Мемориал». «Как в Дагестане работает профучёт, которого нет», Правозащитный центр «Мемориал», 11 апреля 2019 г.

Многие опрошенные считают, что за детьми наблюдают для того, чтобы при случае лишить матерей родительских прав. Однако нам о случаях лишения родительских прав в подобных ситуациях неизвестно. В 2016 году, когда власти Дагестана совместно с муфтиятом заявили о создании школы-интерната для социализации и адаптации детей убитых боевиков²⁷, среди матерей началась паника. Они боялись, что детей будут отбирать и насильно помещать в это заведение. К счастью, у идеи создания интерната появилось много критиков²⁸, и она так и не была реализована.

При этом, по словам одного из чиновников, ответственных за взаимодействие с такими семьями в Южном Дагестане, примерно с 2017 года власти уделяют большое внимание тому, чтобы все дети бывших боевиков получили среднее образование. В Северном Дагестане директор одной из школ рассказала нам, что в последние годы муниципальные власти стараются определить детей из таких семей в лучшие школы района, где им будут уделять должное внимание.

Все женщины рассказывают, что их сильно нервирует и злит постоянный контроль и слежка правоохранительных органов. А попытки выделения и надзора над детьми вызывает у них ярость.

«После того как мужа убили, меня поставили на профучет, но мне не сказали на тот момент. В школе учительница говорит: «Вы на учете стоите». Потом стали приходить, каждую неделю приходили. В школу приходили. Соседей опрашивали, меня позорили. Пришли на обыск через два месяца, пытались у меня кровь взять. Все прикомандированные были все в масках. Когда они приходят, я очень нервничаю. Я им говорю: «Вы убили человека, а теперь и меня и детей уничтожаете морально! Вы появляетесь, я нервничаю. Мы хотим забыть, спокойно жить дальше!» Я ребенка первого сентября в первый класс отправила, а пятого сентября инспектор по делам несовершеннолетних пришла к учительнице просить характеристику на ребенка! Ребенок только пошел в школу! Я побежала туда, говорю: «Вы лишили ребенка отца, теперь вы его жизни спокойной лишаете! Мой ребенок самый сильный в классе, у него по подготовке уровень второго-третьего класса... что вам от него надо?!» — Айша, Дагестан.

Многие вдовы и дети пережили психологические травмы во время обысков или задержаний своих мужчин. Женщины рассказывали, что во время таких обысков, силовики направляли на детей оружие, нецензурно бранились, толкали женщин, а также говорили о словесных провокациях со стороны силовиков:

«После того как его убили, они делали обыск, моему ребенку было десять лет, он до сих пор писается. Они стояли на детей с направленным оружием. И после его смерти они часто приходили на обыск. Уже прошло полгода, пришли и спрашивают: «А он дома?» В обуви заходят, толпой. Я им говорю: «Зайдите три человека, проверьте». Они мне: «Закрой свой рот, ты кто такая, чтобы нам диктовать». Один раз сказали: «Что ты тут делаешь, езжайте в свою Сирию!» Это был 2015 год. Я разнервничалась, им говорю: «На каком основании вы ко мне пришли домой,

²⁷ «Что делать с детьми боевиков?», Кавказ.Реалии, 27 декабря 2016 г.

²⁸ «В Дагестане откроют детдом для детей убитых боевиков и силовиков. Зачем?», Meduza, 29 декабря 2016 г.

грубите, всякие вещи говорите?» Они посмотрели, дома чисто, ничего нет, и ушли. Потом один задержался, сказал: «Вы так не реагируйте, не нервничайте. Они специально вас провоцируют!» — Асият, Дагестан.

Еще одна жена заключенного рассказала, что после того, как в 2013 году мужа арестовали, а потом осудили, ее поставили на профучет, была установлена слежка: за женщиной постоянно, не скрываясь, ездила машина, которую замечали даже соседи:

«Потом в отдел приводили. Из вены кровь брали. Голос записывали — просили читать какой-то рассказ про хорошего мента. А я им говорю: “Что, такие тоже бывают?” И телефон слушают. Вызывали много раз. На религиозные темы или про идеологию никто никогда не говорил. Вопросы одни и те же: чем занимаешься, где работаешь? Когда [из тюрьмы] выходит муж? Спрашивают: “Как ведут себя дети?” Данные детей они спрашивают как предлог, чтобы прийти посмотреть, что делается в доме. Какую-либо помощь мне никогда не предлагали» — Зура, Дагестан.

Многие опрошенные женщины в Дагестане рассказали, что слежка и контроль были очень сильными в первые годы после смерти/ареста мужа, затем внимание несколько снижалось. Многие респондентки отмечали, что последние несколько лет обстановка стала спокойнее.

Все эти меры были приняты сотрудниками силовых структур с целью профилактики радикализации и преступлений террористического характера. Не ставя под сомнение необходимость борьбы с терроризмом и профилактической работы с уязвимыми семьями, мы приходим к выводу, что такие меры контрпродуктивны. Они озлобляют и доводят до отчаяния вдов и жен, делая их еще более уязвимыми, а также создают неблагоприятную среду для развития детей.

Любопытно, что лишь одна из опрошенных нами женщин рассказала, что с ней пытались провести беседу на тему религии, однако это было сделано крайне нелепым образом:

«Однажды пытались поговорить со мной о религии в администрации. Они не представились. В кабинете у них были плакаты антиигиловские. Они спрашивают: “Зачем вы так ходите? [в хиджабе]. Вот на вас платье черное”. А у меня, между прочим, был светло-розовый шарфик. Я им говорю: “У нас весь город в черных вещах ходит”. Они: “У Вашей мамы одежда темная, но она платок не надевает”. И потом один рассказал, что у него был знакомый и оттого, что он своих дочек на утренний намаз будил, от этого девочки были худющие.

А потом говорит: “Ну почему вы так ходите, вы красивая девушка. Это вам муж сказал?” Я ничего не ответила. Только спросила: “Я свободна?” И ушла».

В ситуации, когда разговоры на религиозные и идеологические темы проводят настолько непрофессионально, хорошо, что они случаются крайне редко. Цели этого доклада не включали оценку мировоззрения вдов и жен участников вооруженного подполья на Северном Кавказе. Наверняка среди нескольких десятков тысяч женщин были и есть носители радикальной и ультрарадикальной идеологии. Безусловно, риск совершения терактов вдовами существует.

По данным «Кавказского узла», с 2000 по 2018 год 50 террористок-смертниц со-

вершили в России 29 терактов²⁹. Большинство из них были уроженками Чечни и Дагестана. В Дагестане в период между 2010—2013 годами женская база поддержки подполья была довольно сильна. В 2014—2017 годы немало вдов боевиков переехали в Сирию и Ирак. Однако очевидно также, что на путь насилия встает абсолютное меньшинство женщин. Как показывают проведенные нами исследования, жены часто не одобряли решения своих мужей, а порой и не знали о них, особенно в период расцвета запрещенных в России «Имарата Кавказ» и ИГИЛ. Кроме того, можно смело предположить, что большинство радикализовавшихся вдов не получало поддержки в реабилитации после смерти мужа. В предыдущем разделе было показано, насколько уязвимыми были вдовы и жены в первое время после смерти и убийства мужа: они сами признавались, что часто не были способны к рациональному и критическому мышлению, потеряли смысл жизни, были в состоянии крайнего отчаяния и некоторые не получали поддержки от близких. Такое состояние делает людей уязвимыми перед манипуляциям. В условиях войны в Чечне оказание поддержки семьям боевиков было, наверное, невозможно, однако в последующие годы и сейчас ситуация позволяет выработать другие подходы.

В настоящее время взаимодействие с женами и вдовами боевиков сводится почти исключительно к правоохранительной работе, оно осуществляется силовиками и основной своей целью ставит контроль. Женщина автоматически признается подозреваемой как минимум в радикализме, а то и в намерении осуществить преступление террористической направленности. Поручая силовикам взаимодействие с вдовами, государство вряд ли может рассчитывать на какой-либо другой результат, кроме давления и сдерживания, а как побочный эффект — фрустрацию, гнев, а то и ненависть не только самих женщин, но и их детей. Эти чувства лишь способствуют созданию предпосылок к радикализации. Работа с семьями, которых силовики идентифицируют как группу риска, должна проходить строго в рамках закона, иначе она произведет обратный эффект. Соблюдение прав и свобод членов семей боевиков — важнейшее условие их успешной реабилитации.

Для успешной адаптации семей в ситуации потери или временной потери кормильца и для благополучного развития детей такой семье нужна поддержка: социальная, психологическая, общественная. С точки зрения предотвращения ситуации, когда члены семей боевиков могут вступить в вооруженные джихадистские группы, силовые меры могут дать временный эффект, но не приведут к долгосрочным устойчивым решениям, когда семья, преодолев кризис, будет успешно функционировать и выработает долгосрочную сопротивляемость радикальным идеологиям.

В связи с этим во многих странах с уязвимыми семьями работают не полицейские, а напрямую не связанные с государством неправительственные организации, которые предоставляют социальную, психологическую помощь, и консультанты, как помогающие им решить повседневные проблемы, так и способные работать с возможными признаками радикализации. Работа с молодыми людьми по профилактике радикализации должна отвечать их подлинным интересам, быть современной, креативной, направленной в будущее, поощрять развитие критического мышления и привлекать авторитетных для молодежи людей. Об этом Центр анализа и предотвращения кон-

²⁹ «За 12 лет в России 46 смертниц совершили 26 терактов», *Кавказский узел*, 31 августа 2012 г. «Террористические акты, совершенные террористами-смертниками на территории РФ», *Кавказский узел*, 22 августа 2018 г.

фликтов подробно писал в одном из своих докладов³⁰.

Поддержка уязвимых семей должна быть прозрачной и понятной самим семьям и окружающим их местным сообществам. На Северном Кавказе ключевую роль в этом процессе могут сыграть локальные, особенно женские НКО, которые хорошо знают и понимают местный контекст и пользуются доверием в обществе.

В 2020 году Центр анализа и предотвращения конфликтов выпустит методическое пособие, в котором в том числе рассмотрит лучшие мировые практики в работе с уязвимыми семьями по предотвращению радикализации.

IV. ВЛИЯНИЕ ПОТЕРИ И ДЛИТЕЛЬНОГО

³⁰ «Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе?», Центр анализа и предотвращения конфликтов, Февраль 2019 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ОТЦА НА ДЕТЕЙ

В этой главе мы обобщим данные интервью о том, как, по мнению матерей, факт потери или длительного заключения отца повлиял на их детей. Дети были практически у всех опрошенных женщин. Только у одной вдовы в Дагестане детей не было, они с мужем были женаты недолго. Эта женщина не верит в смерть мужа, считает его без вести пропавшим, по-прежнему живет с его родителями и ждет его возвращения. Несколько респонденток родили детей после задержания или убийства мужа. Один ребенок был зачат на свидании.

Психологическое состояние и здоровье

Убийство или арест отца сказались на психологическом состоянии детей, однако на старших детей, имевших опыт общения с отцом, повлияли гораздо сильнее, чем на малышей. Меньше всего пострадали дети, родившиеся после гибели или ареста отца, хотя и здесь есть исключения.

«Сын переживает из-за того, что у него нет отца. Он часто спрашивает, что говорил отец, как он себя вел. А мы с мужем не так много времени вместе провели. Четыре месяца вместе и в остальное время урывками, короткими встречами. Он не мог оставаться дома, его искали. Всего женаты мы были чуть больше года. Сын иногда говорит, что он скучает по нему, хотя они даже не виделись. Спрашивает, хотел ли отец его увидеть. А муж не хотел, чтобы сына к нему привозили, он боялся, что что-то может случиться [спецоперация. — Авт.]. Муж спрашивал у меня, на кого похож сын, темненький или светлый? Я ответила, волосы черные, кожа светлая. Он говорит, значит, на меня похож. Я все это рассказываю сыну. Он просит, расскажи мне еще что-нибудь об отце. А что я могу ему рассказать? (плачет)» — Зарина, Чечня.

Из наших интервью становится ясным, что есть две категории семей: такие, где факт заключения, убийства или исчезновения отца проговаривается с детьми, и такие, где тему замалчивают. Некоторые женщины говорили о том, что их очень беспокоит вопрос, как объяснить детям историю отца, они не знают, как это правильно сделать.

«Боль, которая душила, невозможно объяснить. Самое трудное — я не знала, что говорить детям. Состояние, когда объяснить ребенку — это самая большая боль» — Хадижа, Ингушетия.

Респондентки из Ингушетии и Дагестана, чьи мужья сидят в тюрьме, чаще всего говорят детям о том, что это ошибка, либо что он был слишком хороший и поэтому его посадили. Так, одна из женщин в Ингушетии, сказала, что ее девятилетний сын все знает от нее и заявил в гостях, что его папа в тюрьме и он этого не стесняется (это единственная женщина, с которой работал психолог).

Женщины, потерявшие мужей, говорят детям, что он вернулся к Аллаху или уехал в длительную командировку или, например, погиб в аварии. Некоторые объясняют, что он воевал за свои убеждения. Так, в Дагестане одна из вдов не только рассказала

своему семилетнему сыну, что папа убит, но и показала фотографию его обгоревшего тела.

«Старший знал отца, а младший забыл совсем, ему два и восемь было. Но он все время отца спрашивает. «А что он не приходит, папа, так долго? Папа придет, я его побью и больше никуда не отпущу, я его к батарее привяжу». Пока я ему не говорю правду, он не готов. А старшему я фото [убитого отца] показала. Он говорит: «Это что, мой папа? Его жгли, что ли?» — Расият, Махачкала.

Ситуация в Чечне несколько иная. Дети мужчин из Чечни, отбывающих длительные сроки лишения свободы, знают о своих отцах все, уверяют матери. Они знают и о войне, и об участии в ней своих отцов. В одной из семей дома все время говорят об отце. По словам матери, дети часто спрашивают у нее, какой он человек. Кроме того, родственники им рассказывают, каким он был.

«О том, что произошло с его отцом, я сыну говорю, что было военное время. Я бы тех, кого в то время без вины осудили на пожизненные сроки, назвала военнопленными. Даже если допустить, что все они воевали, в моем понятии они все равно военнопленные. А когда уже их задерживали, мы все знаем, что их били и заставляли брать на себя то, чего они не делали. В общем, [в нашей семье] все оценивается адекватно, все как есть, так же и обсуждается с сыном». — Хава, Чечня.

Другая респондентка тоже сама все объяснила детям, кроме того, их отец и дяди известны в селе, и дети слышат о них от соседей:

«Они меня спрашивают, за что его посадили? Почему он вышел на войну? Иногда они говорят, что они гордятся своим отцом. Он не был трусом, не был предателем, он защищал свою родину. У нас, у чеченцев, ведь как: если бы он попал в тюрьму за кражу или изнасилование, это бы сказалось на детях. Им бы постоянно говорили: смотрите на своего отца, он такой-сякой. А с ними иначе. Дети мне говорят, что когда люди в селе узнают, что они его сыновья, то говорят: «Ваш отец мужественный был человек». — Сафия, Чечня.

В семьях, где выбирали стратегию замалчивания, дети часто узнавали правду от других людей или из интернета.

«Он постоянно сам копается, то, что есть в интернете, читает, прочитал давно уже. Мне кажется, он знает все, что он должен знать. Знает, кем был, какие у него были интересы, что он из себя представляет, что за личность» — Хеда, Чечня.

Потеря отцов и последующая кризисная ситуация, в которой оказалась семья, имели серьезные последствия для психики и здоровья многих детей. Дети, ставшие свидетелями насилия со стороны представителей силовых структур, угрозы жизни близких родственников, долго не могут оправиться от перенесенной психологической травмы. Так, респондентка в Ингушетии рассказала, что ее дядя был убит силовиками в парке и у него осталось трое детей. Силовики, придя к нему домой, связали его жену и под прицелом заставили идти в подвал, требуя кого-то оттуда вывести, хотя там никого не было. Затем они бросили гранату в подвал, взорвали дом, предварительно ограбив. Это

происходило на глазах детей. Изувеченный труп отца им не дали похоронить. После этих событий один из детей убитого вообще перестал разговаривать. Матери пришлось забрать его из школы. Ребенок до сих пор не говорит.

Еще одна ингушская женщина рассказала, что после того, как арестовали отца, ее сын стал очень ранимым, плаксивым и постоянно физически травмируется. Как только они вернулись из больницы, где мальчику лечили сотрясение мозга, он упал и сломал руку, которая неправильно срослась, и он стыдится этого.

Другая респондентка рассказала, что ее старшие сыновья, которым на момент похищения и исчезновения ее мужа было 9 и 11 лет, долгое время постоянно ждали отца. Старший сын стал хуже учиться, убегать из дома и все время прятался от людей.

Еще две респондентки в Ингушетии рассказали, что их дети не могли спать после случившегося. Сейчас они спят лучше, но очень скучают и стараются поддерживать мать.

Одна из респонденток из Чечни рассказала про детей своей сестры, которую вместе с мужем силовики похитили из дома на глазах детей; оба пропали без вести. У сына сестры развилась эпилепсия, впоследствии мальчик упал во время приступа и через два дня умер.

В Ингушетии психологическую помощь не получал никто из детей респонденток. По словам их матерей, самая большая поддержка для детей — это когда они слышат что-то хорошее об отце. Одна респондентка рассказала, что ее ребенка поддерживает, что дома есть пространство для отца, вещи отца висят в шкафу, его фотографии в комнате. Несколько женщин признались, что их детей поддерживает уверенность в том, что их отец вернется или, что он в раю, и они увидятся с ним в вечной жизни.

О том, что психологическое состояние детей изменилось после ареста или смерти отца, в Чечне рассказали только пять женщин. По словам одной, ее старший ребенок был в суде, когда читали приговор о пожизненном сроке для его отца. Другая вдова рассказала, что ее сына травмировала не столько смерть отца, сколько последующие крайняя нервность в доме и конфликты между родственниками из-за детей.

«[После смерти мужа] свекровь у меня силой пыталась отбирать моих детей, сына из рук вырывала, там до того доходило, что физически перетягивали детей, и он это помнит. Ну, и еще во время беременности им я поняла, что муж участвует [в подполье], я испытывала сильный стресс. В результате у него серьезные психологические проблемы. Он не может общаться с детьми» — Сацита, Чечня.

Сейчас ребенок находится за пределами Чечни, и с ним работает психолог.

Другая респондентка, чей муж осужден на длительный срок, рассказала, что ее младший сын в 19 лет весь седой, у него случаются приступы неконтролируемого гнева, и он порой без причины может ввязаться в драку.

Дети остальных опрошенных женщин в Чечне в момент гибели мужей были маленькими или еще не появились на свет. По мнению респонденток, потеря отцов не сильно сказалась на психологическом состоянии детей, так как они не имеют опыта присутствия обоих родителей.

Матери маленьких детей из Дагестана также подчеркивали, что малышам просто не хватает отца. Одна из них так рассказывала о своих трех-четырёхлетних детях:

«Они знают, что папу похитили, но не знают, что с ним. Младший все время

спрашивает: «Где папа? Нет папочки? Он на работе? Когда он будет?» Старший молчит, но с ним работали психологи, он был в тяжелом состоянии. Он тоже не знает, что уже папы нет. Детский психолог из Махачкалы поработал со старшим, после его бесед намного лучше стал. Мои родители помогли [оплатить психолога]. После гибели мужа мне стало ясно, что нужен психолог. Он раздражительный стал, агрессия была, постепенно на него сошло, он расслабился» — Камилла, Дагестан.

Вдова без вести пропавшего рассказала, что ее младший мальчик, которому было четыре месяца, когда отца похитили, часто спрашивает про отца: «Ну когда папа придет?» Шоколадную плитку к уху приложит, будто по телефону звонит: «Папа, ты почему так долго с работы идешь?»

Женщина из Дагестана, чей муж осужден за участие в НВФ, сказала, что дети больше всего расстраивались, когда видели, что она все время плачет.

«Первый год они шептались: «Опять мама плачет». Лелеяли меня... старались тихо, не шумели, и мне их было очень жалко. Первые два-три года было тяжело. А потом дети отошли, переключились на свою жизнь, свыклись» — Зура, Дагестан.

Более взрослым детям сложнее. Женщина, которая растит сына своего убитого в спецоперации брата, рассказала, что его дети не пережили травму и что ее невозможно пережить.

«Когда спецоперация началась, брат позвонил нам [из окруженного дома] и попрощался со всеми. Мальчишкам сказал: «Маму слушайте, не бросайте друг друга». С дочкой поговорил: «Папина красавица, я тебя так люблю». Мы все уйдем, у каждого свой срок, но, конечно, для детей это глубокая рана» — Асият, Дагестан.

Отношения взрослеющих детей с правоохранительными органами

Несколько наших респонденток в Чечне и Дагестане рассказали, что у их взрослеющих сыновей начинаются проблемы с правоохранительными органами.

«Мои дети повзрослели, школу закончили, и к нам каждый месяц участковый начал ходить. «Что сыновья делают, чем занимаются?» Он с нашего села, знает нашу семью. Ему и неудобно бывает приходить, он говорит нам: «Если кто-то [из властей] будет спрашивать, скажите, что каждый месяц я прихожу к вам. Я должен ходить, но я вашу семью знаю, не буду сильно беспокоить». А потом забрали племянника, сына моего брата, который воевал и получил длительный срок. Старшего его сына забрали за то, что у него борода. В отделе ему про отца говорили, сказали: знайте, мы всегда за вами ходим, мы наблюдаем за вами, если захотите что-то не то сделать. Второго его сына тоже забрали. Полтора дня его избивали, потом пятьдесят тысяч у нас попросили и выпустили его. Тогда ему было девятнадцать лет. Мои дети и племянники должны сидеть тише воды, ниже травы. Некоторые молодые ребята из тех, чьи отцы погибли, осуждены, работают с ними [«кадыровцами»], но большинство против них. И таких забирают, пытаются, потому что думают, что сын пойдет за отца, чтобы было не повадно. Они вынуждены смириться

с этим пока. Поэтому у нас молодые так часто умирают от инсульта и инфаркта» — Сафия, Чечня.

В Дагестане не было полномасштабной войны, но отношение к детям убитых похожее. Вдова убитого в спецоперации мужчины рассказала, что ее 18-летний сын был задержан, подвергнут пыткам, от которых стал инвалидом, и осужден за пособничество во НВФ:

«Наши семьи постоянно на учете. На них постоянное давление. Я переживаю, что будет дальше. Чувства радости от того, что выросли мальчики, что это мужчины выросли, нет, все время страх. Чуть мальчики где-то задержатся — у нас паника. Мы постоянно опасаемся провокации со сторон органов. Как от бандитов, ждем от них какого-то подвоха» — Сакинат, Дагестан.

Еще одна респондентка из Дагестана, воспитывающая сына своего убитого брата, говорит, что за детьми брата также ведется постоянный контроль. Это связано еще и с тем, что в республике существует глубокий внутриконфессиональный раскол между суфиями и салафитами³¹, а дети убитых боевиков обычно происходят из салафитских семей.

«Постоянно в школе детей пытаются контролировать. Начинают докапываться, какие у них взгляды. Сейчас начали проводить открытые уроки: приходят из Духовного управления, по делам несовершеннолетних и психолог, начинают задавать вопросы. Из Духовного управления приходят суфии, тут же разделение [на суфиев и салафитов] есть. Дети уже понимают, что у них [Духовного управления. — Авт.] своя программа, а что у них дома не так. Я своим детям ни ту, ни эту тему не внушаю. Просто объясняю, что каждый должен делать намаз и поститься, плохого не делать. Тут рядом техникум один есть, а рядом мечеть, туда мои мальчики пошли. Имам мечети делал намаз, они к нему не присоединились. Из-за этого он вызвал полицию³². Приехала милиция, начали их запугивать: вы ваххабиты, родителей стали вызывать, ругать. Разве это здоровая обстановка?» — Асият, Дагестан.

В предыдущем докладе мы подробно писали о том, как в Чечне силовики работают с группами риска, к которым относят и детей бывших боевиков. Так, чеченская полиция проводит «профилактические» задержания. По словам местных источников, особенно после вооруженных инцидентов количество задержанных достигает 150—200 человек. Как правило, их держат в незаконных местах содержания под стражей, без составления протокола и возбуждения уголовного дела³³.

³¹ Суфисты (тарикатисты) считают себя последователями своих духовных лидеров, шейхов, которых почитают как святых. Они чтят обычаи предков, их религиозные традиции впитали в себя древние адаты и поверья народов Дагестана. Салафиты не признают святых и учителей, считая их наличие нарушением принципа единобожия в исламе. Они не признают вкраплений в религиозную практику народных традиций, выступают за упрощение обрядности и буквальное толкование Корана.

³² Салафиты выполняют не все дополнительные молитвы, которые обычно читают суфии, и уходят из мечети после окончания обязательных. В данной истории имам мечети понял, что подростки исповедуют ислам салафитского толка именно по этому признаку и вызвал полицию.

³³ Интервью САРС с чеченскими активистами, Грозный, февраль 2017 г.

По сообщениям чеченских активистов, среди множества задержанных лишь малая часть действительно может быть связана с радикальными сетями, но их все равно держат иногда по несколько недель для острастки, чтобы предотвратить любое участие в будущем. Со слов активиста,

«Они их какое-то время «воспитывают», а потом отпускают. В изоляторах есть специальные камеры для избиений. Они называют это «профилактикой». И считают, что великодушные с их стороны — «вместо того чтобы посадить в российскую тюрьму, повоспитывать» и отпустить³⁴».

Под такие задержания нередко попадают и дети бывших боевиков. Таким образом, травматический опыт потери отца, последующей стигмы и давления на семью накладывается на травму попадания в полицейский участок и даже насилия, что, безусловно, создает предпосылки для дальнейшего озлобления против власти.

Общение с отцами

В Чечне дети респонденток, чьи мужья отбывают пожизненный срок, имеют возможность ездить к отцам на длительные свидания и знакомятся с ними ближе. Заключение отца, длительная разлука с ним, короткие встречи в условиях тюрьмы приносят в жизнь детей новые испытания. Все женщины рассказывают, что их дети тяжело переживают встречу с отцами.

«Вида не подает, но переживает. Особенно это чувствуется после поездки [на свидание]. Вот уже два года, как сын ездит на длительные свидания к отцу. На территории тюрьмы есть гостиница, там снимаем номер. Сын рассказывает, что они ночью даже не спят, разговаривают, потому что им жалко это время. Все трое суток сидим, говорим, вырубимся на час, потом опять разговариваем. Видимо, им есть о чем поговорить. Сын переживает больше, когда возвращается оттуда. Скучает, переживает. Через месяц-два только приходит в свое обычное состояние. Это не значит, что он полностью отходит от всего этого. Просто немного приходит в себя. После таких переживаний я больше всего поддерживаю его. Разговариваю, объясняю, что я всегда ему в помощь, что мы не можем ничего сделать с тем, что предписано Богом, что у всех людей какая-то трагедия» — Хава, Чечня.

«Они (дети) даже есть не могут, мы друг на друга смотреть не можем, потому что очень сильная душевная боль и ее тяжело передать», — объясняет состояние своей семьи другая респондентка. Она рассказала:

«1 октября я приехала от него [была на свидании]. Первый раз он видел на длительном свидании второго сына. Когда они увидели своего отца, действительно, жалко их было... Отец им говорил: хвала Аллаху, я не бегал за чужими женщинами, не был пойман в курятнике, не воровал, я воевал. Я вышел на призыв отпустить женские юбки и выйти на войну. Он говорит им: если меня даже не будет на этой

³⁴ Интервью CAPC с активистами, адвокатами, бывшими задержанными, Грозный, февраль 2017 г.

земле, вы можете гордо ходить, потому что я знаю себе цену. Говорит, что знает, что никогда не сделал ничего, что может их опозорить.

Для них очень тяжело эти свидания проходят. Его [мужа] заводят, он уже готовый сидит, когда мы заходим. Через решетки — стекло с телефоном. После разговора нас сначала забирают, потом, наверное, его. Мы по очереди берем телефон и разговариваем... Видишь своего родного человека и не можешь говорить на своем родном языке, а русского языка они стесняются... Они очень переживают после свидания, особенно сыновья. Им жалко, наверное, от того, что они ничего не могут сделать для отца. Они хотят, чтобы отец был с ними. Они говорят, если бы он был с нами, мама была бы совсем другой, но хвала Аллаху, мама, без тебя ничего бы не было. Они говорят мне: ты только не переживай, мы будем за него молиться, если закон изменится, может, его отпустят, может, пересуд будет — вот что они говорят» — Тоита, Чечня.

Однако не у всех складывается контакт с отцом. Одна из жен заключенных рассказала, что сын после длительного свидания с отцом, который должен вскоре освободиться, сказал, что, когда отец придет домой, он не будет жить с родителями. «Я не привык к этому человеку», — объяснил юноша.

«Это понятно, столько лет я одна с ними, с нами никого не было. У них нет к отцу привязанности. Мы семья без него, мы его пока не представляем среди нас», — объяснила женщина.

Таким образом, мы видим, что у большинства детей есть глубокая потребность в положительном образе отца, особенно в условиях Чечни; они героизируют своих отцов-комбатантов и гордятся ими. Попытки власти навязать им отрицательный образ отца вряд ли будут успешны и будут тихо проигнорированы и отвергнуты. На наш взгляд, адекватной оценке происходившего в годы войны способствовали бы широкие открытые дискуссии и обсуждение постсоветской чеченской истории, в которой независимые очевидцы и участники событий, а также историки и эксперты смогли бы помочь молодым людям сформировать более сбалансированное представление о прошлом. По мнению бывшего преподавателя, много лет проработавшего в одном из ведущих вузов Чечни, молодежи нужны герои:

«Им нужны герои. Когда спрашиваешь у них, кто ваши герои, они могут назвать Дудаева, Масхадова, Гелаева [лидеров чеченских сепаратистов]. Я им говорю, что я против того, чтобы наши улицы называли в честь российских боевых генералов [как это делает правительство Кадырова]. Но я также против этих людей. Мне довелось жить в то время, и они причинили много горя нашему народу. Молодежь мифологизирует эти личности, но при этом с ними не обсуждают нормально и открыто эти фигуры и события».

Открытое обсуждение истории, начало процесса примирения могло бы создать предпосылки для формирования критического мышления у молодежи как в отношении своей республики, так и в отношении истории своей семьи. Таким образом, молодые люди могли бы примирить свою потребность в положительном образе отца с пониманием истории Чечни того времени как сложной, неоднозначной и глубоко

трагической, а также проанализировать ошибки и преступления, совершенные обеими сторонами вооруженного конфликта. Продвижение ценностей ненасилия и антивоенных инициатив стало бы важным вкладом в поддержку культуры ненасильственного разрешения конфликтов. Вовлечение молодежи в общественную деятельность, направленную на помощь людям, в волонтерство, правозащиту, ненасильственный активизм позволит направить их энергию и стремление к справедливости в конструктивное русло. К сожалению, в условиях сегодняшней Чечни и России организовать такие открытые обсуждения практически невозможно, однако в будущем они должны состояться, так как без обсуждения и принятия взаимной вины примирение и устойчивый мир невозможны.

Учеба и развитие

Большинство опрошенных женщин отметило, что травли, изоляции или конфликтов из-за того, что произошло с их отцами, у их детей не было. Однако одна женщина в Ингушетии рассказала, что родители во дворе дома, где она живет, не разрешают детям общаться с ее детьми:

«Я вижу, что родители не разрешают своим девочкам общаться с моими. Смотрят косо» — Джаннат, Ингушетия.

Две вдовы в Ингушетии признались, что их детей травили, называли их отцов боевиками. В Дагестане на это жаловалась одна женщина.

Женщина, которая растит сына убитого в спецоперации брата, рассказала, что, когда старший сын убитого пошел в школу, учительница в коридоре показывала на него: *«Вот это его отца убили»*, чем вызвала у мальчика стыд и стеснение. Респондентка пожаловалась завучу. Учительнице сделали выговор, и больше такого не повторялось. Однако у учителей, по мнению тети, предвзятое отношение к этим детям.

Поддерживать развитие своих детей, как хотелось бы, получается только у двух женщин в Ингушетии, двух в Чечне и двух в Дагестане. В Ингушетии это респондентки, у которых по одному ребенку, и они единственные, у которых есть свой небольшой бизнес. В Дагестане обеим женщинам финансово помогают родители (у одной двое детей, у другой — трое).

Остальные не могут отправить детей в кружки и секции, в которые те хотели бы ходить. Это связано с тем, что женщины не могут себе позволить их оплату, слишком заняты или детей некому сейчас возить на занятия. Одна респондентка в Ингушетии рассказала, как сильно ее дети хотят ходить в детский сад, но она не может себе этого позволить. Ей обещали сделать скидку на оплату, но не сделали. Подготовить детей к школе ей тоже сложно, так как она не может себе позволить покупать книги.

В Ингушетии 93% женщин сказали, что успеваемость их детей в школе хорошая либо неплохая. Примерно та же картина в Дагестане. Одна респондентка сказала, что после похищения отца ее мальчики учились не очень хорошо, но девочки учились хорошо.

В Чечне матери также оценивали успеваемость своих детей как хорошую. У одной из опрошенных сын учится на «отлично», любит писать стихи.

«Он у меня стихи пишет (смеется). Но от меня похвалы нет ему. Иногда приходит: «Мам, послушай, я написал такое стихотворение... Я не знаю, каждому свое, я не любитель. Не склонна я. Тем более когда парень [пишет стихи], мне не особо нравится. Если бы я его еще немного похвалила, он бы вообще [воодушевился]... Пока у нас на данный момент цель — подготовиться к сдаче ЕГЭ. Он ходит на школьные дополнительные занятия, и я сама отдельно нанимаю репетитора по всем четырём предметам. А в будущем планируем поступить. Точно не знаю, где судьба его будет, но на программиста думаю. Если он прямо сильно захочет [развить интерес к поэзии], я поддержу, ломать не буду» — Хава, Чечня.

У другой респондентки, чей муж отбывает наказание, сыновья серьезно занимаются спортом. А у третьей все дети учились хорошо, а старший сын одновременно учился в двух университетах.

Необходимость программ реабилитации семей боевиков

Из всего вышесказанного становится очевидно, что смерть или длительное заключение мужчин, вступивших в вооруженное подполье на Северном Кавказе, оставили неизгладимый след с жизни их семей, каждого ее члена. Столкнувшись с трагедией и всеми ее социальными последствиями, не все жены, вдовы и дети смогли найти в себе ресурсы, чтобы преодолеть психологические травмы, вернуться к прежней жизни или обрести новый жизненный путь. Программы многопрофильной реабилитации смогли бы помочь в решении их проблем.

Все опрошенные в Чечне женщины уверены, что программа поддержки им необходима. Помощь, которую могли бы оказать им по этой программе, все видят по-разному. Кто-то считает, что прежде всего им помогла бы социальная и финансовая поддержка, помощь в трудоустройстве и определенное понимание в обществе. Очень многие приоритетным называли программы помощи в реализации возможностей для детей. Почти все опрошенные матери крайне озабочены тем, чтобы их дети имели равные возможности с другими развивать себя в спорте, учебе, карьере. У кого-то самая острая проблема – это жилье. Почти все женщины говорили об острой необходимости психологической помощи.

«Программы, конечно, нужны. Обязательно. В первую очередь было бы хорошо иметь место работы, чтобы зарплата была. Я не знаю, в каком виде, если есть работа и зарплата, этого же людям достаточно. Если ты работаешь, утром встаешь, вечером приходишь, по закону получаешь зарплату, что еще нужно?»

Другая респондентка сказала:

«В тот момент мне нужны были четыре вещи: поддержка близких родственников, сочувствие людей вокруг, хороший квалифицированный психолог и работа, дело, на которое можно было бы отвлечься» — Сацита, Чечня.

В Чечне вопрос, который ставил в тупик всех женщин: как оказать помощь максимально эффективно, чтобы не навредить, а действительно поддержать семьи? Ни одна

из женщин не смогла ответить на этот вопрос, только одна сказала, что помощь будет эффективной, если о ней не узнают власти.

Говоря о будущем, почти все опрошенные женщины подчеркивали, как им важно, чтобы их дети не выросли с чувством обделенности и имели равные с другими возможности. Некоторые по-прежнему мечтают о личной самореализации, в Дагестане таких треть. Несколько женщин отмечали, что хотели бы уехать из России и жить в другой стране.

«Я бы хотела быть успешной, чтобы ребенок ни в чем не отличался, не нуждался, чтобы он не почувствовал отсутствие отца, чтобы я ему заменяла отца. Хочется посетить в другие города, а вообще я в Турции хотела бы жить» — Заира, Дагестан.

«Мне хочется учиться. Языки изучить. Дать детям образование. Воспитать детей, чтобы они не нуждались в жизни. Для этого мне надо себя саму [психологически] собрать, но все еще не могу. И зарабатывать деньги нужно, без денег мы ничего. Пособия еле на две недели на еду хватает» — Расият, Дагестан.

Несколько женщин, у которых остро стоит вопрос «собственного угла», мечтали о своем доме.

На наш взгляд, программы помощи семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, на Северном Кавказе крайне необходимы. Такие программы станут наиболее эффективны, если подойдут к проблемам таких семей комплексно, окажут психологическую, правовую, медицинскую и социальную поддержку, включая создание источника дохода или помощь в трудоустройстве. Эти программы не должны быть нацелены исключительно на семьи боевиков, они могут оказывать помощь всем семьям, пострадавшим в результате вооруженного конфликта, например, родственникам убитых полицейских, и другим семьям, оказавшимся в ситуации острого жизненного кризиса и отобраным по определенным критериям. Наиболее эффективно такие программы могли бы реализовывать местные НКО, особенно женские, хорошо понимающие традиции и особенности местных сообществ, потребности уязвимых семей, и имеющие доверие в обществе. К ним важно было бы подключать авторитетных местных религиозных и общественных деятелей, активистов и педагогов.

V. РЕИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ, ВОЗВРАЩЕННЫХ ИЗ ЗОНЫ КОНФЛИКТА

В СИРИИ И ИРАКЕ

У детей, вернувшихся из зоны конфликта в Сирии и Ираке, имеются общие проблемы с детьми боевиков, воевавших в России, однако есть много и специфических особенностей. Эти особенности заключаются в том, что вернувшиеся дети и матери имеют более тяжелые психотравмы, а некоторые — ранения, у них более серьезные проблемы со здоровьем и адаптацией, дети младшего возраста плохо владеют русским языком, а старшего — имеют серьезные пробелы в знаниях по школьной программе.

В Чечне у семей, где вернувшиеся дети рождены в браке с нечеченцами, порой возникают дополнительные проблемы неприятия родственниками в связи с тем, что межнациональные браки там осуждаются, особенно когда женщина выходит замуж за инородца. Кроме того, если к вдовам людей, воевавших на Кавказе, общество относится скорее с сочувствием, то женщин, уехавших на Ближний Восток, однозначно осуждают. Все три опрошенные нами вдовы говорят о том, что, кроме ближайших родственников, с ними почти никто не общается. В большинстве же случаев опеку над вернувшимися детьми берут бабушки, что порождает целый комплекс новых сложностей.

Нам удалось опросить семь семей в Чечне и Дагестане, куда вернулись дети и женщины из Сирии и Ирака. В трех случаях это были вернувшиеся вдовы с детьми, еще в трех — бабушки, принявшие детей, и в одном — молодая тетя. В общей сложности мы обсудили состояние 20 детей, которых удалось вывезти из зоны конфликта. Краткое содержание наших основных наблюдений изложено в этом разделе. Учитывая крайнюю чувствительность темы, мы не приводим ни населенных пунктов, ни республик, ни имен респондентов.

Военные травмы и их последствия

Почти все дети пережили бомбардировки, двое были ранены, половина потеряла родителей. О пережитом рассказывают сами дети, или родные узнают из разных источников, включая других возвращенцев из зоны конфликта.

Опыт детей в Сирии и Ираке был разный, в зависимости от того места, где они находились. По словам одной из бабушек, *«дети у меня достаточно взрослые, они сами рассказывают то, что там было. В Ираке сильных военных действий не было, бомбардировки были по окраинам, там, где они жили, бомбардировок не было. Говорили, что чистый город, что насилия не видели. Самым травматичным для них была гибель отца, когда они одни остались, и весь период возвращения домой. Про гибель отца они знали: пришел человек к ним домой, какие-то вещи отдал и сказал, что отец погиб»*.

Другая бабушка девятилетней девочки рассказала:

«Все они [с матерью] пережили там, но я уже лишний раз не спрашиваю, чтобы не травмировать ее. И голод, и холод, и жару. Когда выходили, они неделю были без воды.

Падали, женщины умирали, они в пустыне в жару там были. Попадали в бом-

бардировки. Самолеты бомбили, беспилотники летали. В подвале жили, когда самолеты прилетали».

Со слов вернувшейся вдовы, «я свою девочку называю летчик-испытатель. Бомбежки, осколки. Она ранена была, и не один раз. Я сама вытаскивала ей все осколки. Под завалами была. Перестрелку видела, она много раз это видела. Голода не было. Было ограничение в еде, иногда реально не хватало. Тогда местные люди что-то давали. Химатаку она пережила. Она вся гноем была покрыта, умирала она у меня. Это самое страшное было в моей жизни».

Еще один пятилетний мальчик, которого нам удалось посетить, рассказывал тете про то, как на его глазах была убита мама.

«Я подошел к маме, она лежала на кровати. В ногу раненая. Я поднимал ее руку, но рука падала. Она умерла», — пересказала она слова ребенка.

Пережитые травмы сказались на здоровье детей. Почти у всех вернувшихся есть более или менее серьезные проблемы со здоровьем, требующие лечения. Почти все опекуны говорили, что им не хватает средств обследовать, лечить и покупать лекарства для вернувшихся детей.

«Девочка часто болеет, я ее в больницу вожу к врачам, вызываем скорую. С кишечником у нее проблемы. Они нас вызывали, подключили главврача поликлиники, сказали: поможем, чем можем. Но они назначают лечение, а у меня с деньгами проблемы, я не могу таблетки купить. Были в начале и психологические проблемы — лекарства принимала она, невролог и психиатр лечение назначали. Но чтобы лечение и учебу совмещать, у меня не получается. У всех гриппозное [состояние] сейчас, но она очень тяжело переболела. Скорую вызывали, участковый педиатр приходил, назначение сделали. Из проблем со здоровьем: у обоих детей зубы болят. Мальчик у меня плохо видит, у него травма, один раз рядом снаряд взорвался, у него от осколка шрам есть. Я бы хотела его голову обследовать в хорошем месте. В медпункт в наш два раза в неделю приезжает медсестра, что она может? Даже прививку чтобы сделать, мне надо самой на такси в город ехать. Я затягиваю все это, надо было вовремя делать, а денег нет. По своим делам я не могу съездить, и для них не хватает».

Социально-психологические проблемы

В плане жизнеобеспечения проблемы детей-сирот легли довольно тяжелым бременем на бюджет пенсионеров-бабушек и дедушек. Опрошенным нами бабушкам было обычно около 70 лет, все, кроме одной, имели свое жилье, но пенсий на содержание детей им катастрофически не хватает.

«У нас свое жилье есть, мы с дедом на пенсии живем. Что хватает нам средств, не скажу. ЖКХ — за свет, за газ надо платить сейчас, особенно зимой. Но у нас у всех тут есть родственники, кто может помочь. Когда они только приехали, мы в частную школу отвели детей, потому что они отставали по учебе. Но надо было платить по семь с половиной тысяч в месяц, и пришлось нам забрать. Помощь ка-

кая [нам оказывается]? Пенсия по старости, больше никакой помощи не получаем, стараемся мы с дедом растянуть так, чтобы пенсии хватило»

Бабушкам также трудно справляться с ситуацией психологически. Многие из них имеют серьезные проблемы со здоровьем, сами травмированы потерей сына или дочери, не знают, как правильно вести себя с пережившими войну сиротами.

«Я старая, других помощников у меня нет. Они, бывает, и слушаются, бывает, что показывают характер. Когда привезли их, они были такие недоверчивые. Мне трудно было, приходилось спрашивать, консультироваться. Спрашивала психологов, [инспекторов] по делам несовершеннолетних, они мне помогли, консультировали, я находила хороших, понимающих специалистов. С ними работал психолог, я возила их».

Бабушка другой девочки рассказала:

«У меня одиннадцать тысяч пенсия, правду сказать, не хватает. На себя мне хватало, я еще чуть-чуть подрабатывала, а теперь девочку нужно в школу сопровождать, встречать. Одну ее боюсь выпустить даже во двор. Ребенок много чего пережил, подрабатывать с ней я не могу, и нам не хватает. И в школу надо ее готовить. Самые большие нужды? Да на все не хватает в данное время. Надо же ребенка одеть, обуть. Помощь оказывали мясом, продуктами, администрация ... района. Родственники ее отца иногда приезжали вначале. В месяц раз-два приезжали. Дядя звонит ей. Но у них положение тоже не очень, тоже у них нет денег приезжать, ее угощать. Один-два раза помогут — на это же не проживешь. Я свои проблемы уже исключаю, мои собственные».

Государство выделяет поддержку постоянным опекунам, но нескольким нашим опрошенным дали временную опеку без оплаты. Как рассказала одна бабушка, после временной она подготовила документы на постоянную опеку, однако ей снова дали временную. Проблема заключается в том, что у правоохранительных органов часто нет подтверждения смерти родителей на Ближнем Востоке, поэтому постоянная опека автоматически не дается. Для того чтобы суд установил факт безвестного исчезновения, требуется год.

У одной бабушки нет собственного жилья, и она живет в летнем доме, принадлежащем родственнику, с четырьмя детьми на 15 тысяч рублей своей пенсии и 800 рублей пособия на четырех детей (по 200 рублей на ребенка).

«Дохода этого на две недели максимум хватает, иногда на неделю. Коммуналку заплатишь — и ничего не остается. В зимнее время нам негде мыться. Ванной нет. Я раньше летом жила тут, а зимой я со старшей дочкой жила в городе. После приезда детей сделала я тут отопление, окна поставили. В рассрочку все делала, собирала-занимала. Опеки оплачиваемой у нас пока нет».

Помощь таким семьям обычно поступает незначительная, от муниципалитетов, «хороших людей», а в Чечне были разовые выплаты из фонда Кадырова. Чаще всего бабушкам помогают дети и другие родственники, но значительную помощь оказать им не по силам. Одна бабушка рассказала, что ей также помогали сотрудники соцза-

щиты:

«Они приезжали, окна мыли, упрашивали, дай нам еще чем помочь. Я им говорю, что справляюсь».

Кроме проблем со здоровьем, среди наиболее серьезных проблем детей вдовы и опекуны называли психологические проблемы. Детям очень трудно справиться с горем от потери или разлуки с родителями.

Бабушка так рассказала о своей внучке, чья мама находится в тюрьме в Ираке:

«Она вспоминает отца и мать, особенно маму. Когда мы ложимся с ней спать, она начинает плакать. Однажды я ругала ее: «Уроки делай, почему сидишь». Она ушла в школу и записку мне оставила: «Баба, прости меня, я больше не буду, я буду тебя слушаться, мне просто очень не хватает мамы».

Недавно у нее в школе для мам приготовили концерт и всех мам пригласили на день матери. И я тоже пошла, я стою в коридоре, а там — молодые мамы. Я попозже подошла. Я прихожу, а мамы говорят: «Она так сильно переживала, что ты не придешь! Каждую, кто входил, спрашивала: «А моя баба там стоит? Пришла моя баба?» А в конце все дети поздравляют своих мам, а она меня поздравляет (плачет)... и это очень больно (плачет)...»

При этом все опекуны говорили, что состояние детей меняется к лучшему. У детей гибкая психика, и при поддержке родных им довольно быстро становится лучше.

«Сейчас они очень хорошие, умные и очень спокойные дети. А когда вернули их — на хищников были похожи, потому что голод был, друг у друга вырывали еду, косились друг на друга. А сейчас одному дашь, для другого просят: «Дай Ахмеду, дай Зелимхану». То, что они там пережили, они не рассказывают.

Помнят родителей. Плохое все забыли, только хорошее помнят. Но отвыкают уже от родителей, только третий, он самый любимый у них был, по ночам плачет по маме.

Мне говорит: «Мне во сне приснилась, что мама пиццу готовила. Баба, ее убили? Она в плену?» «Нет, говорю, она скоро приедет». «Баба, а когда это «скоро» закончится?»

В Чечне у детей от отца нечеченского происхождения могут возникать проблемы с родственниками. Они не признают этих детей и не хотят им помогать. Таким детям сложно расти в селе и нужно переезжать в город. Кроме опекунов этих детей остальные опрошенные говорили о том, что их дети не испытывали на себе предвзятого отношения после возвращения.

Проблемы с учебой

Проблемы с учебой возникают в связи с тем, что на Ближнем Востоке дети не посещали школу. Бабушкам трудно помогать им с выполнением домашних заданий и ликвидацией пробелов, а на репетиторов денег нет:

«Я неграмотная, а у мальчика пятый класс — предметники, ему домашнее задание надо делать, хотелось бы помощи. Дополнительно мальчику я бы очень хо-

тела репетитора, чтобы он занимался. Увлечения я тоже их поддержать не могу. Как хотелось бы молодым родителям, меня так не получается, я неграмотная, я не знаю, что детям хорошо».

О необходимости репетиторов говорили все опрошенные бабушки детей школьного возраста:

«Чтобы ей догнать в учебе, надо дополнительно заниматься. Кружки по окружающему миру, в школе, когда все вместе, этого недостаточно. Индивидуально чтобы с ней заниматься, репетитора ей нанять, моих денег не хватает. В начале нет-нет, родственники чуть-чуть помогали. Тогда я к русской женщине ей водила тут рядом. А сейчас нету денег».

Одну девочку по приезду сразу посадили по возрасту во второй класс, она полтора года пропустила. У нее большие пробелы в знаниях.

Некоторые бабушки говорили, что внеклассные увлечения у детей не сформированы:

«Какой у нее интерес? Она не наигралась куклами, все время играет в куклы. Сюжеты войны в играх? Ну что вы! Даже когда взрывпакет взрывается, она вздрагивает».

Другая бабушка признается, что мальчики просят ее купить игрушечное оружие:
«Но я говорю: никакого оружия. Лучше кубики купить».

Еще в одной семье у детей интерес к творчеству:

«Рисовать любят, резать, пластилин, вся лепка у нас дома».

Систематическую психологическую помощь дети в основном не получали, хотя одна чеченская НПО раз в месяц направляет психолога в некоторые семьи. Школьные психологи также обращают на этих детей особое внимание:

«Психолог школьный помогает. Учительница, директор, соцпедагог приходила домой – Наташа. Молодая психолог школьный приходила».

Вопросами профилактики экстремистских идеологий занимались лишь в одном из описанных нами случаев в Чечне:

«У них в школе есть духовник, я с ним на связи, он с ними говорит. ПДН ходят приходят, участковый приходит».

Все, кроме одной опрошенной говорили о том, что программы поддержки семей возвращенцев очень нужна:

«Мне нужен специалист, который будет меня поддерживать. Пока дети полностью не реабилитируются, надо им помогать. Они не высказываются, но у них все это внутри есть пережитое. Этим детям все-таки особая поддержка нужна», — рассказала одна бабушка.

Все бабушки отмечали острую необходимость в помощи школьных преподавате-

лей.

Лишь одна вернувшаяся вдова сказала, что программ для возвращенцев делать не надо:

«Настанут времена, когда вернутся такие женщины, которые не будут ценить ничего. Вернутся женщины, которые это добро не поймут. Они и меня осудили за то, что я уехала, что вернулась».

При этом она горячо поддержала программу для детей и говорит, что ее дочке прежде всего нужно пособие по потере кормильца и помощь психолога.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прекращение вооруженного противостояния на Северном Кавказе дает возможность пересмотреть прежние и разработать, опробовать новые подходы к старым проблемам. На Северном Кавказе живут десятки тысяч женщин и детей, чьи мужья и отцы погибли или были арестованы в связи с вооруженным конфликтом в Чечне или в результате участия в незаконных вооруженных группах, а также дети, вернувшиеся из зоны конфликта в Сирии и Ираке. Они справляются с тяжелым жизненным кризисом практически без поддержки государства или неправительственных организаций.

Результаты наших интервью показывают, что все вдовы и жены пережили тяжелую эмоциональную травму в связи с убийством, похищением или длительным заключением своих мужей, и многие продолжают в ней пребывать, что сказывается на их здоровье. Большинство детей, имевших опыт совместной жизни с отцом, также сильно пострадало психологически, у некоторых возникли медицинские проблемы. Часть опрошенных нами детей испытала на себе предвзятое отношение со стороны окружающих и образовательных учреждений, однако у большинства серьезных сложностей не возникло. Проблемы многих детей были скорее связаны с накопившимся стрессом, социально-экономическими проблемами в семье, давлением на семью со стороны правоохранительных органов, отсутствием равных возможностей в учебе и развитии. Дети, вернувшиеся из Сирии и Ирака, имеют гораздо более тяжелые психотравмы, проблемы со здоровьем и сложности в адаптации. Их опекунам, чаще всего бабушкам и дедушкам, катастрофически не хватает знаний, возможностей и средств для решения этих проблем, особенно в связи с тем, что не все из них пока смогли получить постоянную опеку над сиротами.

Для успешной адаптации семей бывших боевиков им нужна поддержка: помощь психологов, социальных работников, школы, неправительственных организаций, благотворительных фондов и лидеров местных сообществ. Часть средств на эти такую адресную помощь можно было бы перенаправить из государственных программ по идеологической профилактике экстремизма на Северном Кавказе, а часть изыскать из внебюджетных средств. Помощь конкретным семьям в создании их детям безопасных, комфортных условий развития, преодолении психотравм, учебе и развитии будет значительно эффективнее большого количества часто формальных и скучных лекций и мероприятий о вреде экстремизма³⁵.

Долгосрочный мир на Северном Кавказе во многом зависит и от того, насколько успешными, психологически устойчивыми и включенными в жизнь общества вырастут эти дети. При этом любая работа с детьми из уязвимых семей должна вестись крайне деликатно. Дети должны расти с ощущением того, что общество стремится им помочь ради их благополучия и успеха, а не потому, что боится их радикализации.

³⁵ «Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе?», Центр анализа и предотвращения конфликтов, Февраль 2019 г.